

ИСТОРИК И ТЕКСТ:

к 90-летию со дня рождения
академика Григория Максимовича

БОНГАРД-ЛЕВИНА

20-22 декабря



Институт
всеобщей истории
Российской академии наук



ИСТОРИК И ТЕКСТ:

к 90-летию со дня рождения
академика Григория Максимовича
БОНГАРД-ЛЕВИНА

20-22 декабря 2023 г.



Институт
всеобщей истории
Российской академии наук



Тезисы Всероссийской научной конференции
«Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория
Максимовича Бонгард-Левина» (20–22 декабря 2023 г.)

Александров Б.Е.

НАЗВАНИЯ ПРОФЕССИЙ И РЕМЕСЕЛ В КЛИНОПИСНОМ КОРПУСЕ ИЗ ЭМАРА

Эмар (совр. Телль-Мескене в Сирии) — важный экономический центр в долине Среднего Евфрата эпохи поздней бронзы (XIV–начало XII в. до н.э.). Раскопки в Эмаре дали богатый эпиграфический материал, который интенсивно изучается уже на протяжении почти 40 лет. Основное внимание исследователей сосредоточено на вопросах государственного строя, правовых отношений, землеустройства, торговли, религиозных практик. Эти направления задаются спецификой письменных источников, среди которых преобладают правовые, административно-хозяйственные и ритуальные тексты. Правовые документы содержат много информации о сельскохозяйственных угодьях: различных категориях полей, садов, виноградниках. Представляется очевидным, однако, что экономическая система Эмара не могла быть основана только на сельскохозяйственном производстве. Ремесло также должно было играть в ней существенную роль. В научной литературе до сих пор отсутствуют работы, которые бы обобщали имеющиеся у нас сведения о ремесле в Эмаре. Настоящий доклад ставит своей целью собрать все упоминания ремесленников и их профессий в эмарском клинописном корпусе и предложить их предварительный анализ.

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В ПРОВЕДЕНИИ СИНОДОВ ЕГИПЕТСКОГО ЖРЕЧЕСТВА

Синоды египетского жречества являются важным элементом во взаимодействии между царской властью и жреческой корпорацией. Целью этих собраний было создание культа династии Птолемеев в египетской среде. Между тем, о том, как проходили эти собрания, нам известно крайне мало. В частности, не до конца решён вопрос о том, как часто проводились эти собрания и можем ли мы выявить какие-либо закономерности во времени их проведения. В нашем докладе мы решили обратиться к этому вопросу и рассмотреть все известные нам синоды египетского жречества.

По нашему мнению, мы смогли обнаружить определенные паттерны в их проведении. Так, все синоды проходят в первые годы правления того или иного царя и всегда связаны с предоставлением особых почестей - введением династического культа. Следующий синод, как правило, проходит через несколько лет после предыдущего: он приурочен к некоему достижению царя и расширяет предоставляемые ему почести. После этого синоды больше не созываются вплоть до смерти царя. Исключением в данном случае оказывается правление Птолемея V, и оно вызвано конкретной ситуацией: ранним возрастом царя на момент его первого синода, необходимостью предоставить особые почести жене царя Клеопатре, а также, в связи с подавлением антиптолемеевских восстаний, восстанавливать династический культ на возвращенных территориях.

**ПОТОМКИ ТРИУМВИРА МАРКА АНТОНИЯ
в МАВРЕТАНИИ, ЭМЕСЕ, ПАЛЬМИРЕ И ФЛОРЕНЦИИ**

По линии знаменитого триумвира Марка Антония родственниками принцепсов Римской империи являлись монархи постэллинистических государств Средиземноморья, что подтверждается античными нарративными свидетельствами, а также эпиграфическими и нумизматическими источниками. Потомки дочери триумвира Клеопатры Селены (PIR2. II. С 1148) стали членами правящих родов клиентских царств Мавретании, Эмесы и Пальмиры. Благодаря браку правнучки триумвира мавретанской принцессы Друзиллы (PIR2. III. D 196) с представителем эмесского царского дома Сампсигерамидов, представители этой династии, потомки Марка Антония, со временем утратившие царский титул и сохранившие статус верховных жрецов, известны вплоть до царицы Пальмиры Зенобии (PIR2. VII. S 504). Зенобия прямо называла себя потомком царицы Египта Клеопатры VII, и, соответственно, триумвира Марка Антония (SHA, Trig. tyr., XXVII, 1). Такое родство Клеопатры VII и триумвира с Зенобией возможно только по линии Друзиллы, принцессы Мавретании и царицы Эмесы. Потомки Зенобии принадлежали к римской аристократии (Eutrop., Brev., IX, 13, 2) и были известны на протяжении III–IV вв. (CIL. VI. 1516). Поздние источники сообщают также о родственной связи царицы Зенобии и флорентийского епископа св. Зенобия (начало V в.) и в ряде последующих работ эта точка зрения разделяется исследователями.

**«КАВНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ» И ЛИКИЯ:
СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД НА ОДИН ЭПИЗОД ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ**

В последние годы существенным образом интенсифицировался процесс анализа и интерпретации ликийских текстов. В особенности это касается исторических реалий, получивших отображение в уникальном тексте «династической хроники» правителей Ксанфа (ТАМ I, 44). «Стела надписей» («Inscribed Pillar Tomb», «Хроника Гарпагидов / Куприллидов») содержит бесценные сведения, подтверждающие и дополняющие нарративную традицию, относящуюся к описанию событий Пелопоннесской войны, деятельности персидского сатрапа Тиссаферна на юго-западе Малой Азии и характере взаимоотношений ликийцев с греческим и персидским миром в последней трети V в. до н.э. В то время как отечественные исследователи крайне редко и поверхностно обращаются к эпиграфическому пласту «Стелы надписей», западная историография последних лет существенно пополнилась работами, выводящими на принципиально новый уровень понимание её содержательной составляющей.

Обзор относительно свежих интерпретаций документа ТАМ I, 44 позволяет нам выдвинуть новую версию событий восстания в Кавне. Эти данные уточняют хронологию похода Зопира, показывают роль ликийцев в политике персидских царей на юго-западе Малой Азии и формируют новый взгляд на давние предположения Шеворошкина о содержательной части текста стелы.

ВРЕМЯ УГНЕТЕННЫХ?

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В докладе рассматриваются новейшие публикации, в которых авторы пытаются интерпретировать римский империализм с опорой на концепт «субальтерна». Этот термин восходит к «Тюремным тетрадам» Антонио Грамши, стал важной частью теоретического аппарата постколониальных исследований и деколонизационного дискурса. Насколько он применим к проблемам, которые стоят перед теми, кто занимается историей древности (и, в частности, изучением римского империализма) — вопрос открытый и вряд ли у кого-то, включая автора доклада есть на него ответ. Однако популярность концепта (и наследия Антонио Грамши) в новейшей гуманитаристике, появление в заголовках секций и текстах публикаций вдохновляют на обсуждение его потенциальной ценности.

ЛУВИЙСКО-ХУРРИТСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ В
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ II — I ТЫС. ДО Н.Э.

Доклад представляет собой часть исследования древнеближневосточных культурных традиций, результаты которого свидетельствуют о продолжительном этноязыковом взаимодействии изначально не родственных групп населения на обширных территориях юго-восточной Анатолии, следы которого обнаруживаются в Эгейском мире. Наряду с немалым количеством технических терминов неидеоевропейского происхождения (напр., хуррит. *tidutri* ‘ритуальный предмет’), используемых в текстах (хетто-)лувийских ритуалов сер. II тыс. до н.э., особый интерес представляют художественные образы и мифологические представления, которые могли переходить из одной традиции в другую в исходной языковой форме. Одним из таких примеров может быть гомер. *Χάρυβδις* ‘whirlpool’, ‘gulf’ (этимологические связи неизвестны: Liddell-Scott, p.1980-1), на который наше внимание обратил E.Petropoulos. Учитывая наличие ряда сходных метафор и мифологем в хеттских текстах и в гомеровском эпосе (ср. ‘страхи и ужасы’ и т.п.), показалось интересным найти объяснение этого образа и его языкового выражения на древнем Ближнем Востоке, где основа *har(r)*-известна в аккадском (*harrānu* ‘road; journey’), шумерском (*HAR-RA-AN* ‘id.’ < ак-кад.), хурритском (*hari-* ‘road’), лувийском (*haruwaš* ‘path’). Известный в хурритском отрицательный суффикс *-ubad-*, образующий страдательные причастия (*kul-ubad-e* ‘not mentioned’ < *kul-* ‘say’, ‘speak’; *nahh-ubad(e)-* ‘not settled (down)’ < *nahh-* ‘settle down’ и др.) позволяет предположительно восстановить хуррит. причастие **har-ubad-(e)* ‘непроходимый’, ‘непреодолимый’, которое могло стать источником имени *Χάρυβδις*. В докладе приводится новый материал, подтверждающий наличие того, что M.Hutter обозначает как “close cultural symbiosis” в южной Анатолии II-I тыс., и который определил специфику культур этого региона.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ГРЕКО-ВАРВАРСКАЯ ТОРГОВЛЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИКУБАНЬЯ И МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И УРАЛА)**

В докладе рассмотрены проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников о воздействии военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала как ближней и дальней варварской периферии античного мира соответственно. Первая группа проблем связана с отражением информации, касающейся определенных товаров, динамики торговли, видов военно-политических факторов и динамики военно-политических событий. В письменных источниках содержится информация, не отражающаяся археологически: упоминаются категории варварского экспорта, кратковременные (или не масштабные и с кратковременным влиянием) события. Археологически хорошо фиксируются многие категории античного импорта, а варварский экспорт может быть зафиксирован лишь косвенно – по материальным остаткам, отражающим виды хозяйственных ресурсов. Именно на археологическом материале прослеживается динамика импорта с ее взлетами и спадами, тогда как динамика военно-политических событий имеет свои особенности отражения в письменных источниках и археологическом материале. Часть военно-политических факторов остается слабо фиксируемой или практически неуловимой письменными источниками (фиксируемые данными археологии нарастание и снижение военной напряженности, миграции) или, напротив, отражена только в них (военные действия на море, деятельность пиратов и военные действия правителей античных государств против них). Вторая группа – проблемы, связанные с точностью датировки событий военно-политического характера на основе археологического материала. Достаточно редкой является возможность точной датировки на основе сопоставления с данными письменных источников. Третья группа – проблемы локализации и этнокультурной атрибуции, решение которых связано с необходимостью сопоставления данных об областях, народах, местах сражений и осаждавшихся городов и крепостей с археологическими культурами и археологическими памятниками. При этом могут возникать определенные противоречия между данными

письменных и археологических источников. Четвертая группа – проблемы выявления причин изменений в торговле, связанные с необходимостью сопоставления данных археологии, которые часто не позволяют однозначно идентифицировать нападающую или угрожающую сторону и определить тип военного конфликта, с данными письменных источников о конкретных народах и военно-политических процессах и событиях.

**ВИДЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ПРОРОКА ЗАХАРИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ВТОРОГО ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА**

Доклад посвящен изучению фиксации исторической информации в тексте видений пророка Захарии, содержащемся в 1–6 главах соответствующей библейской книги. Текст рассматриваемого источника содержит хронологическую атрибуцию – второй год Дария, под которым обычно подразумевается Дарий I Гистасп (522–486 гг. до н. э.). Эта дата, а также другие библейские свидетельства дают основания рассматривать текст видений как источник по начальному периоду эпохи Второго Иерусалимского храма.

Ранний период формирования Иерусалимской храмовой общины, в основном совпадающий со временем правления первых Ахеменидов, получает весьма неоднозначную интерпретацию в научной литературе ввиду скудости и малоинформативности источников. Разброс мнений довольно широк: от полного отрицания существования в Иерусалиме храма и общины вплоть до времени Артаксеркса I и Ездры до попыток детально реконструировать административные структуры Иерусалимской храмовой общины при Кире II и его ближайших преемниках. При этом основным источником по истории раннеахеменидской Йехуд, несмотря на значительное расширение источниковой базы, остаются ветхозаветные книги.

Исследование носит исторически-типологический характер и предполагает анализ видовых особенностей текста видений пророка Захарии, сочетающего в себе специфические черты пророческой письменности и апокалиптической литературы. Поскольку пророческая письменность принадлежит, подобно апокалиптике, преимущественно к предиктивному дискурсу, то видения Захарии не претендуют на точное воспроизведение исторических фактов, а представляют события, осуществление которых является предметом ожиданий пророка (визионера). Необходимо также учитывать, что древнеизраильское пророчество было неразрывно связано с актуальной для пророка исторической ситуацией, а пророческая речь являлась призывом к ее изменению. В докладе выявляются особенности субъективного отражения исторической реальности в изучаемом библейском тексте

посредством анализа его жанра, структурных характеристик, прагматической цели его создателей.

ОБЩИННЫЕ СТРУКТУРЫ У ДРЕВНИХ МАЙЯ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА В
ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Одна из характерных черт классической отечественной школы исследователей истории древневосточных цивилизаций, к которой принадлежали Г.М. Бонгард-Левин, И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон и др., – внимание к роли общины и общинных структур. В их работах общинные институты предстают как важнейший элемент древневосточного общества. В.И. Гуляев, в своих работах 1970-х – 1980-х гг. отстаивавший типологическую близость древневосточных и доколумбовых цивилизаций, придерживался аналогичных взглядов на место общинных институтов в обществе древних майя.

Письменные источники, описывающие общину и общинные институты у майя, довольно поздние (конец XV – XVI вв.), а общинные структуры классического периода (I тыс. н. э.) известны исключительно по археологическим данным. Несмотря на успехи в чтении иероглифических надписей майя, среди исследователей по-прежнему преобладает точка зрения, что речь в них идет исключительно о царях, царских династиях, высшей придворной знати и царской администрации, а другие социальные группы практически не упоминаются. Однако в последние годы в ряде работ (М. Зендер, С.В. Вепрецкий, А.И. Давлетшин и Д.Д. Беляев) было показано, что распространённые в текстах «тителы происхождения» типа ах-... (букв. «тот, кто из такого-то места») могут обозначать не отдельных индивидов (военачальников или владетелей), а коллективы («букв. «те, кто из ...», то есть «люди из такого-то места»).

Анализ употребления «тителов происхождения» в иероглифических надписях VII–VIII вв. городов Западного региона области майя (бассейн р. Усумасинты) – Бонампака, Йашчилана, Паленке, Пьедрас-Неграса, Тортугеро и др. – дает основания считать, что в случае, если они встречаются без сопровождающих имен, то обозначают некую единую социальную группу. Наиболее вероятным представляется, что речь идет о городских общинных коллективах различного ранга (от столиц до небольших городков, входивших в состав майяских номовых государств). Упоминания «людей из ...» в военных контекстах свидетельствует, что городские общины могли быть самостоятельными участниками военно-

политической борьбы, а не находились всецело под контролем царской администрации. «Люди из ...», скорее всего являлись общинной верхушкой, представлявшей общинный коллектив целиком.

АСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК ЗА 35-Й ГОД СЭ
В КОНТЕКСТЕ СЕЛЕВКИДСКОЙ ИСТОРИИ 270-Х ГГ. ДО Н.Э.

В докладе будет рассмотрен один из недавно опубликованных астрономических дневников, который датируется 35-м годом селевкидской эры, или 277/6 г. до н.э. (AD IV, No. – 276). В записях, относящихся к шестому месяцу (сентябрь 277 г.), упоминается некий поход «во вражескую землю» (ana KUR nukurtu). Из текста также становится известно, что в восьмом месяце этого года (ноябрь 277 г.) царица Стратоника лично посетила Вавилон и устроила в городе празднество. По нашему мнению, поход, о котором сообщает автор дневника, может быть соотнесен с одной из анатолийских кампаний Антиоха I – в контексте войны с «Северной Лигой» или, что более вероятно, с галатами. Приезд же Стратоники в Вавилон и проведенные ею мероприятия, возможно, следует связать с дневником, относящимся к апрелю 278 г. (AD – 277 A obv. 6), в котором говорится об охватившем страну «страхе и ужасе» (ḥattu u gilit ina KUR GAR-an). Это сообщение коррелирует и с «Судебной хроникой» (BCNP 17), упоминающей о казни посредством сожжения обвиненных в хищении храмового имущества людей осенью 278 г. Были ли эти события следствием кризиса смены власти в царстве Селевкидов, отразившегося, например, в Сирии, или нет – приезд в Вавилон царицы должен был не только продемонстрировать внимание центральной власти к локальным проблемам, но и в некоторой степени их нивелировать. Примечательно, что в данной ситуации Стратоника действует как самостоятельный актер – именно как *basilissa* (*šarratu*), а не «жена царя» (*aššat šarri*), и это уникальное свидетельство в клинописных источниках эпохи эллинизма.

Кроме того, эти данные позволяют уточнить датировку Илионского декрета – OGIS 219, который, по всей видимости, мог быть издан в 276 – первой половине 274 г. до н.э. В надписи говорится о восстановлении царем Антиохом мира и порядка, а также о пребывании царской четы в областях «по эту сторону Тавра», что как раз и должно приходится на указанный период.

СВИНЦОВЫЙ АРХИВ МИРМЕКИЯ: НОВЫЕ ПРОЧТЕНИЯ И НОВЫЕ ТЕКСТЫ

В сезон 2017 на городище Мирмекий было найдено полностью сохранившееся свинцовое письмо-опистограф, а летом 2022 были обнаружены два фрагментированных письма. Первый из перечисленных документов был опубликован, после чего рядом исследователей были предложены иные варианты прочтения и интерпретации, что побуждает еще раз обратиться к этому документу. Два фрагментированных письма находятся в стадии подготовки к публикации и будут представлены научной общественности впервые. Первый из документов, палеографически близкий письму Орея, принадлежит к IV в. до н.э., второй - к первой четверти III в. до н.э. Содержание двух фрагментированных документов не может быть полностью восстановлено, однако наличие глаголов в форме императива (ἴκε, παράλαβε) и личных имен (Сократ, Артемидор) позволяет с уверенностью отнести указанные объекты к жанру деловых писем. Таким образом, во всех документах представлена деловая переписка, свидетельствующая о весьма активной деятельности жителей Мирмекия в течение IV-III в. до н.э. Судя по всему, все письма были доставлены по адресу, развернуты и прочитаны, т.е. адресаты проживали на территории Мирмекия, тогда как отправители: Орей из письма № 1 и Деметрий из письма № 3, отдававшие получателям распоряжения, – находились в каком-то другом центре (Пантикапей?).

ТЕНИ, ЛЕМУРЫ, ЛАРВЫ

В докладе рассматриваются представления о неуспокоенных духах как вредящими живым людям злобных демонических существах в Древнем Риме и выясняется их генезис. Основными источниками исследования послужили пассажи из Плавта, Вергилия, Горация, Плиния Младшего, Персия, Светония, а также комментарии Помпония Порфириона к Горацию. Важную дополнительную информацию несут выявленные при археологических раскопках и опубликованные магические тексты на древнегреческом и латинском языках. Наряду с текстологическим анализом этих материалов автор использует современную методику сравнительного религиоведения, оправдавшую себя при работе с фольклорными данными. В результате исследования установлено существование двух категорий мертвых, порождавших неуспокоенных духов. Это лишенные правильного погребения и умершие до срока. Кроме того, в докладе рассматривается, какой вред живым могли причинить подобные духи, а также изучаются методы магической защиты от этих демонов, которые применялись в Древнем Риме.

«НЕОБЫЧНАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫЧНОЕ ВРЕМЯ»:

МАРК СЕРГИЙ СИЛ

В докладе предпринимается попытка рассмотреть основные события жизни претора 197 г. до н.э. Марка Сергия Сила. Вдохновенный рассказ Плиния Старшего об этом человеке, прадеде Катилины, оставляет некоторые места из его биографии не совсем ясными. В каких именно событиях Второй Пунической войны принимал участие Сил? Каким образом он пользовался знаменитой железной рукой? Чем завершилась попытка коллег Сергия по претуре отстранить его от жертвоприношений? Известная монета, отчеканенная в 116–115 гг. до н.э. потомком героя, рассматривается в контексте памяти членов gens Sergia о своем выдающемся представителе. Анализируются детали изображения, призванные подчеркнуть впечатление о Силе, как о победителе фортуны. Также в докладе делаются предположения, как образ прадеда использовался в пропаганде самого известного представителя патрицианского рода Сергиев – Катилины.

БРЕВИАРИИ КАК ЖАНР ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Эпоха поздней античности ознаменуется распространением новых жанров в историографии – хроник, церковных историй и бревиариев. На сегодняшний день не утихают споры о том, насколько коррелируется формальное деление и тот массив сочинений, дошедший до нашего времени. Существенным препятствием на пути к осмыслению характера текстов выступает проблема терминологического изоморфизма, вызванная появлением большого числа кратких нарративов и распространением разного рода схожих понятий для них. Ситуация осложнена и фрагментарностью сведений о первичных названиях произведений, а также конъектурами в рукописях.

В данном контексте наиболее широким понятием для кратких сочинений поздней античности выступает понятие Бревиарий (*breviarium*). Наша задача – выявить ключевые особенности произведений, поскольку зачастую они находятся на периферии научно-исследовательского поля в связи с чрезмерной краткостью и историографическими клише о его низком информационном потенциале и уровне достоверности.

Основой для выделения Бревиариев среди других исторических сочинений поздней античности является источниковое многообразие и их предварительная обработка. Например, в «Бревиарии» Феста исследователи не только выделяли несколько кластеров фактического материала, созданного автором самостоятельно, но и обращали внимание на ранее неизученный характер расхождений историка от своих источников. Для Бревиариев характерно введение количественных данных в хронологию. Можно зафиксировать во многих текстах широкий хронологический охват, в котором зачастую перечислялись количество лет, проведенные под властью того или иного исторического деятеля. Помимо прямого назначения, текстам изучаемого жанра была свойственна переориентация, иными словами, они могли предназначаться для более широких кругов, в частности, для обучения.

Иными словами, среди жанровых особенностей Бревиариев отчетливо выделяется особый подход к источникам, их предварительная обработка с введением самостоятельных суждений, внимание к количественным данным, наличие тематических ориентиров, широкий хронологический охват, а также дидактическая направленность произведений.

**ЖЕНСКИЕ СОБРАНИЯ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА:
ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАРУШЕНИЕ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИЛЛЮЗИИ**

В трёх «женских» комедиях Аристофана – «Лисистрате», «Женщинах на празднике Фесмофорий» и «Женщинах в народном собрании» – присутствуют длинные сцены, в которых принимают участие только женские персонажи. Во всех комедиях женщины собираются вне частного пространства дома, чтобы принять политическое или общественно значимое решение: спасти Грецию, захватить власть в Афинах или наказать трагика Еврипида за нелестное изображение женщин в его пьесах. «Женские» собрания конструируются по модели «мужских» и следуют, в первую очередь, процессуальному порядку народного собрания.

Автор доклада обращает внимание на то, что поэт изображает женские собрания иначе, чем «мужские» (в частности, обыкновенное народное собрание в прологе «Ахарнян», на котором присутствуют только мужчины-граждане). Несмотря на то, что в комедиях женщины выходят в общественное пространство (улицы города или сакральное пространство религиозного праздника), сцены женских собраний остаются закрытыми для внешнего наблюдателя (зрителей). При просмотре пролога «Ахарнян» зрители, будучи преимущественно гражданами мужского пола, оказываются вовлечены в происходящее на сцене в качестве заседающих в собрании, и именно им адресованы произносимые в сторону реплики Дикеополя. Однако при просмотре сцен женских собраний зрители не становятся соучастниками драматического действия, оставаясь наблюдателями.

Открытое пространство, стирающее границу между зрителями и драматическим действием, и закрытое, то есть не вовлекающее зрителей в исполнение отведённой им драматической роли, маркируются поэтом с помощью нарушения или, наоборот, ненарушения сценической иллюзии.

**ИМПЕРАТОР ЮЛИАН, ПАПА ЕВСЕВИЙ И СЕНАТОР ВОЛУЗИАН:
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО СЮЖЕТА.**

Доклад посвящен анализу легенды о конфронтации императора Юлиан и римского папы Евсевия, представленной во второй части т. н. «Сирийского романа о Юлиане». По данным этого произведения узурпировав власть и явив свое отступничество Юлиан приезжает в город Рим, где вступает в противостояние с папой Евсевием и едва ли не с поголовно христианской римской знатью, возглавляемой неким Волузианом. Получив отпор и не добившись покорности римлян, отказавшихся признать его императором, опозоренный Юлиан уезжает на восток. На первый взгляд этот сюжет — не что иное, как набор диких анахронизмов: Юлиан никогда в жизни не был в Риме, а его *vis-à-vis* — Евсевий скончался за полвека (ок. 310 г.) до того, как Отступник вступил на престол. Более того, в середине IV в. староримская senatorская аристократия преимущественно сохраняла приверженность язычеству и едва ли стала выступать против религиозной политики нового августа. Вместе с тем анализ данного сюжета позволяет рассмотреть его «второе дно», в котором можно обнаружить отголоски реальных политических конфликтов середины IV в.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАХАБХАШЬИ»

В докладе рассматриваются основные памятники древнеиндийской лингвистики, служащие важными историческими источниками: «Аштадхьяи» Панини, варттики Катьяяны и, главное, «Махабхашья» Патанджали. Для датировки санскритских текстов первостепенное значение имеют упоминания греков (явана). «Аштадхьяи», где говорится о греке и «гречанке» (или «жене грека» – яванани), не может быть датирована ранее рубежа IV-III вв. до н.э. Слова Катьяяны о «греческом письме», возможно, указывают на монетные легенды индо-греческих царей II в. до н.э. Аргументы в пользу датировки текста временем Ашоки, во всяком случае, нельзя признать убедительными.

Патанджали рассматривает греков и шаков как народы Индии, живущие за пределами Арьяварты (очевидно, в Панджабе). Характеристика греков и среднеазиатских скифов в качестве ритуально чистых шудр не позволяет датировать «Махабхашью» ранее рубежа н.э. Обычно цитируемое указание на завоевательные походы греческого царя является не более, чем *terminus post quem*. Оно не является доказательством того, что Патанджали был современником Менандра. В докладе анализируется фрагмент с упоминанием «алчных Маурьев». Его нельзя рассматривать в качестве воспоминания о недавнем прошлом. Скорее речь должна идти об отражении бытовавших в начале н.э. легенд о Чандрагупте и Чанакье. Ту же традицию отражает фрагмент «Артхашастры», в котором идет речь об эксплуатации религиозных суеверий посредством изготовления культовых изображений и устройства фальшивых чудес.

ПОСЛАНИЕ ИОАННА АНТИОХИЙСКОГО К ФИРМУ КЕСАРИЙСКОМУ:
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ «ПАРТИЙ»
ПЕРЕД ЭФЕССКИМ СОБОРОМ

Основным внутрицерковным конфликтом V – VII вв. являлся т. н. «христологический спор». В его основе лежали различия во взглядах на природу Христа ведущих богословских школ Востока, наложившиеся на обострившееся в конце IV века соперничество наиболее влиятельных епископских кафедр, прежде всего Александрийской и Константинопольской. На начальном этапе противостояния, в преддверии Эфесского собора 431 г., оформлявшиеся церковно-политические «партии» активно искали сторонников из числа представителей высшего духовенства. В докладе рассматривается послание Иоанна Антиохийского к Фирму Кесарийскому, в котором тот просит кесарийского епископа принять сторону «восточных» на приближающемся Соборе. В письме критикуются 12 анафематизмов Кирилла Александрийского, кратко обозначается позиция Иоанна в христологическом споре. Оригинал письма был написан на древнегреческом языке, до настоящего времени сохранился лишь в латинском переводе. На русский язык переводится впервые. В докладе будут разобраны некоторые детали этого письма, позволяющие уточнить характер формирования церковно-политических «партий» и особенности взаимоотношений епископов, имевших разные точки зрения на вопросы христологического спора.

**«ПЕРВАЯ ФАЛАНГА НЕЗРИМОЙ БИТВЫ»: ЕПИСКОПЫ И ИХ РОЛЬ В ЦЕРКВИ
СОГЛАСНО ТРАКТАТУ ЮЛИАНА ПОМЕРИЯ «О СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ»**

Юлиан Померий – христианский писатель второй половины V в. Перебравшийся в Галлию уроженец африканских провинций, он стал знаменит как мастер риторики и латинской словесности. Из четырёх известных трудов полностью сохранился лишь один – “De vita contemplativa” («О созерцательной жизни»). В этом трактате Померий уделяет много внимания вопросам поведения, нравственного облика и обязанностей священнослужителей, прежде всего – епископов. По мнению автора, руководитель христианской общины должен придерживаться следующих принципов:

- вдохновлять паству личным примером;
- активно проповедовать, ставя во главу угла доходчивость и восприятие публикой христианского учения, а не стремление блеснуть образованностью;
- отказаться от своего имущества в пользу Церкви, благодаря чему уже сама церковная организация сможет обеспечить необходимым не только нуждающихся, но и самих служителей для выполнения их функций;
- проявлять индивидуальный подход к нарушителям заповедей и церковных порядков, ибо в некоторых случаях излишняя строгость может лишь навредить.

Таких «истинных священников», для которых епископская кафедра – добродетель и бремя, а не способ нажиться на церковном имуществе или заполучить земную славу, Померий удостоивает всяческих похвал, подчёркивая, что именно они таким путём и приобщаются к «созерцательной жизни» – сходному с положением ангелов посмертному состоянию абсолютного совершенства и истинной близости к Богу.

ΚΤΙΣΤΗΣ:

**О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО ТРОННОГО ЭПИТЕТА
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХОВ**

Почетные эпитеты царей – чрезвычайно показательный элемент идеологического оформления эллинистической монархии, анализ которого очень часто оказывается весьма содержательным. Использование официальных тронных эпитетов засвидетельствовано во многих династиях эллинистического мира и вроде бы не имеет более или менее четко выраженной этнической подосновы. Между тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что почетное прозвище Ктисст засвидетельствовано для четырех монархов: Митридата I Понтийского, Антиоха I Коммагенского, одного из парфянских царей (Орода II?) и Архелая I Каппадокийского, имеющих очевидное иранское происхождение. Не будучи связана непосредственно с основанием какого-либо города, эта эпитета, как показано в докладе, в каждом конкретном случае могла отражать определенные персидско-ахеменидские идеологемы и нести своеобразную семантическую и политико-пропагандистскую нагрузку.

СТРУКТУРА VITA SEVERI МАРИЯ МАКСИМА

Марий Максим был одним из самых читаемых авторов во времена поздней античности. Несмотря на то, что ни одна из его работ не дошла до нашего времени, он оказал огромное влияние на античную нарративную традицию. Следы его сочинений присутствуют во многих позднеантичных исторических сочинениях. В докладе представлена попытка реконструкции структуры, как предполагают исследователи, одного из самых объемных произведений Максима – Жизнеописания Севера. Оно занимало, вероятно, центральное место в созданном Максимом корпусе императорских биографий как по своему объему, так и с точки зрения авторского замысла.

**ОТОЖДЕСТВЛЯЛАСЬ ЛИ БЕРЕНИКА II С АРТЕМИДОЙ?
ОБ ОДНОЙ СТАТУЭТКЕ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ**

В Британском музее находится известняковая статуэтка царицы Береники II, изображенной с луком и колчаном стрел. Статуэтку нашли при раскопках храма Аполлона на о. Кипр в 1873 году. По сходству лица с изображениями на монетах исследователи считают, что статуэтка представляет Беренику II, отождествленную с греческой богиней Артемидой. Однако основной чертой культа царицы являлся, прежде всего, ее образ матери и покровительницы семьи, а это не соотносится с функциями богини-девственницы Артемиды. Кроме того, на данный момент статуэтку можно считать единственным сохранившимся свидетельством отождествления Береники II с Артемидой. Следовательно, либо статуэтка изображает не Беренику II, либо же в данной ипостаси царица отождествлена с иной богиней.

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ВИЗАНТИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ РАЗНОГО ТИПА**

Одним из важных итогов деятельности грамматиков было описание византийской системы акцентуации, которая с X в. активно применялась в разных письменных источниках. Однако, изучение эпиграфических памятников разного типа показало, что введение ее принципов не было повсеместным и параллельно с ней существовали и другие системы акцентуации. Некоторые из них возникли под влиянием палеографии, другие как адаптированные под изменения языка элементы александрийской системы акцентуации. Поскольку существовал разрыв между тем, как писались слова и как они читались, то ряд орфографических ошибок, как и неточностей в акцентуации, объясняется самоспеллингом писцов и тем, как их обучали в школе. В своем докладе на примерах из надписей на фресках, на предметах прикладного искусства и лапидарных, мы покажем, какое влияние принципы, сформулированные грамматиками византийской империи повлияли на живые тексты

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ В РИМЕ IV в. н. э.

В произведении Аммиана Марцеллина, последнего римского историка, проступают приемы и установки, типичные для большинства римских историков, а именно они формировали представления своих современников о прошлом.

Одной из самых характерных черт римской историографии была патриотическая установка, и Аммиан Марцеллин — подлинный патриот Рима, поклонник и почитатель его мощи и величия.

Как военный он прославляет успехи римского оружия, видит самую большую заслугу римских политических деятелей в расширении территории государства, а затем в укреплении ее обороноспособности.

По прочтении текста «Деяний» создается впечатление, что почти все римские завоевания были результатом ведения справедливых войн, что вполне совпадает с представлениями, четко сформулированными еще Цицероном.

Историк не делит историю Рима на республиканский и имперский периоды; нигде не затрагивает внутренние противоречия, неоднократно терзавшие государство, тем самым значительно сглаживая изображение римского прошлого.

Теорию морального упадка римского общества, которую транслировали многие римские историки Аммиан Марцеллин разделяет: его симпатии отданы славным предкам, но не до конца, так как он отдает должное героическим деяниям некоторых своих сослуживцев и, особенно, цезаря, а затем императора Юлиана.

**Ирландская сага «Смерть Нат И» и походы скоттов
на Римскую Британию**

Сага «Смерть Нат И» (Aided Nath Í), записанная в XI в., посвящена гибели ирландского короля Нат И, якобы произошедшей во время похода в Европу в первой трети V в. н.э. В нашем докладе будут рассмотрены различные варианты саги и предпринята попытка рассмотреть возможные исторические основания предания о Нат И и нападениях на Римскую Британию и Европу других ирландских королей того времени.

**Журавлев Д.В.
Гурьева П.В.
Коваленко Е.С.
Терещенко Е.Ю.
Яцишина Е.Б.**

КИПРСКИЕ ФИГУРНЫЕ СОСУДЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

В собрании Государственного исторического музея хранится значительная коллекция кипрских древностей, собранная графом А.С.Уваровым. Среди них особое место занимает серия редких фигурных сосудов эпохи средней и поздней бронзы. В НИЦ «Курчатовский институт» было проведено рентгеномографическое исследование этих сосудов, позволившее определить особенности их внутреннего строения и уточнить технологию их изготовления.

Журавлев Д.В.
Камышанов А.М.
Конотопов Н.П.

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТ
БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГИМ В 2019-2023 ГГ.**

В докладе представлены результаты работ Боспорской археологической экспедиции ГИМ за последние пять лет. Завершены работы на архаическом поселении Голубицкая 2, где был открыт комплекс третьей четверти VI в. до н.э. — полуземлянка и несколько хозяйственных сооружений с печами. Начаты исследования укрепленного городища Красный Октябрь 1, где открыт уникальный керамический производственный комплекс первой половины 1 в. н.э., включающий в себя несколько печей различных конструкций, обожженные площадки, склад глины и т.п. Здесь производились грузила различных типов, ткацкие грузики, пряслица и другие небольшие изделия, во множестве найденные вокруг. На Семибратнем городище выполнена магнитная разведка, позволившая по-новому оценить перспективы дальнейшего исследования этого памятника: выявлены новые системы рвов, оборонительных стен, общественные и жилые постройки.

НАДГРОБИЕ 334 Г.Н.Э. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ФАНАГОРИИ

Весной 2023 г. в окрестностях городища Фанагория было случайно обнаружена массивная плита с греческой эпитафией. Она сообщает, что некто (имя утрачено) поставил надгробие своей супруге. Особый интерес вызывает вторая часть эпитафии, в которой прописано наказание за порчу надгробия в виде денежного штрафа. Подобное встречается впервые в надписях Боспора.

**ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ КОНСТАНТИНОМ I И РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИЕЙ: СЛУЧАЙ БАССИАНА**

С 313 г., после смерти других соправителей, Константин I разделил власть над Римской империей с Августом Лицинием. По примеру тетрархов они были связаны родственными узами: Лициний был женат на Констанции, сестре Константина, однако в итоге матримониальный союз не остановил соправителей от военных действий друг против друга. В битве 314 г. Лициний потерпел поражение и по мирному договору отдал победителю ряд прежде подконтрольных себе областей. Несмотря на свои военные успехи Константин не прекращал попыток наладить взаимоотношения с коллегой мирным путем. Так, во время своего путешествия в Италию в 315 г. он выдал свою сводную сестру Анастасию замуж за сенатора Бассиана, выходца рода Анициев. Эти брачные узы должны были упрочить его связи с Лицинием, поскольку Сенецион, брат Бассиана, был высокопоставленным чиновником на Востоке, подконтрольном Лицинию. Однако в результате Бассиан и Сенецион оказались вовлечены в заговор против императора Константина I. В докладе будет проанализировано значение этого союза в контексте взаимоотношений между Константином и Лицинием, а также Константином и западной аристократией, представителями которой являлись оба брата.

«ДРЕВНИЙ ХЕРСОНЕС» СТРАБОНА: КАРТОГРАФИЯ

В историографии Херсонеса существует проблема «древнего Херсонеса», упоминаемого в «Географии» Страбона (VII. 4. 2). «Древний Херсонес» отождествляется с укреплением на перешейке Маячного мыса, северо-западной оконечности Гераклейского п-ва. Проблема заключается в нескольких взаимосвязанных вопросах, первым из которых является вопрос о том, что именно находилось между крепостными стенами укрепления, т. е. вопрос о первоначальной планировке этой территории. Без реконструкции первоначальной планировки невозможно понимание назначения «древнего Херсонеса» и, следовательно, понимание того, в какой связи он находился с Херсонесом-городом и в чём заключалась его роль в рамках полиса. Если у нас нет понимания одного из элементов полиса, то не вполне понятной становится и вся его пространственная система. Ни один из этих вопросов не имеет в данный момент общепризнанного решения. В идеальном случае нужно было бы провести археологическое исследование всей территории между крепостными стенами, однако сейчас это уже невозможно. Поэтому важным источником становятся карты, планы, схемы и аэрофотографии этой территории. В предлагаемой работе мы рассмотрим карты Гераклейского полуострова с точки зрения того, что они могут дать для понимания «древнего Херсонеса» Страбона. Это карты 1786 г.: карта, опубликованная митрополитом Евгением (Болховитиновым); карта, выполненная Пепелевым и заверенная Габлицем; карта, выполненная Струловым; далее это план по Кларку и Дюбуа, опубликованный Neumann'ом в 1855 г.; планы Печёнкина, созданные в 1910-1911 гг.; план А.Н. Щеглова, опубликованный в 1994 г. Также важны описания и свидетельства, сделанные Габлицем, Палласом, Бертье-Делагардом, они отражают состояние интересующей нас территории до масштабных разрушений XX в. Подчеркнём также, что в этой работе мы рассматриваем территорию именно «древнего Херсонеса», а не всю территорию Гераклейского полуострова.

ГРЕЧЕСКИЕ АВТОРЫ О ЧУМЕ ДО VI в.:
ОПИСАНИЯ РУФА ЭФЕССКОГО И АРЕТЕЯ КАППАДОКИЙСКОГО

Недавние исследования микробиологов показали, что бактерия *Yersinia pestis*, вызывающая чуму, уносила человеческие жизни еще в бронзовом веке. Несмотря на это в исторической науке до сих пор остается дискуссионным вопрос об известности болезни населению Средиземноморья в классической античности. Анализ греческих нарративных источников позволяет предположить, что чума была, в целом, незнакома греческим и латинским авторам вплоть до II в. н.э. Исключением считаются описания Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского с подробным перечислением симптомов раннее неизвестной болезни, которая сопровождалась появлением бубонов и страданиями больных.

ПРОИЗВОДСТВО ФАЯНСА В ЕГИПТЕ В ЭПОХУ НОВОГО ЦАРСТВА

Первые фаянсовые изделия появились в Египте в додинастический период, этот материал оставался популярным на протяжении всей древнеегипетской истории. Изготовление фаянса было достаточно простым и не требовало специальных условий и навыков. Возможно этим объясняется малое количество упоминаний специалистов, занимавшихся фаянсовым производством. В докладе будут рассмотрены особенности фаянсового производства и предпринята попытка определить, в каких производственных процессах могли быть задействованы наиболее квалифицированные мастера.

УРОВНИ ВИЗУАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ PANGUR BÁN

Визуальная структура древнеирландской поэзии является достаточно значимым предметом исследования с точки зрения формирования культуры, так как в кельтской культуре в целом большая роль отводилась именно зримому и материальному (манускрипты, археологические артефакты и т.д.).

Исследование визуальной структуры текста подразумевает погружение в его многоуровневое интермедиальное строение. Введение в научное исследование понятия интермедиальности принадлежит О.Э. Ханзен-Леве¹, который использовал понятие интермедиальности для анализа различных семиотических типов связей внутри текста. В данном случае медиа рассматриваются не как средства массовой информации или канал коммуникации, а как система семиотических кодов, которые взаимодействуют внутри культурного текста.

Сочетание вербальных, визуальных и материальных аспектов часто находит отражение в древнеирландской литературной традиции. Манускрипт Reichenau Primer (Codex St. Pauli) является примером такого синтеза.

Reichenau Primer (Codex St. Pauli) датируется началом IX века, состоит из 8 листов, хранящихся в библиотеке аббатства Святого Павла в Лавантале (еще один фолиант хранится отдельно в Карлсруэ). Вероятно, манускрипт написан в аббатстве Райхенау, но также возможно, что книга была привезена в Райхенау позже. Скорее всего, это была подготовительная тетрадь монастырского учителя, поэтому по-немецки манускрипт называется «Reichenauer Schulheft» («Школьная тетрадь из Райхенау»). Reichenau Primer (Codex St. Pauli) содержит в основном латинские гимны и грамматические тексты с добавленными пояснениями на древневерхненемецком, а также таблицы склонения греческого языка, астрономические таблицы и древнеирландские стихи, среди которых Pangur Bán (рис.1)².

¹ Ханзен-Леве О.А. 2016: Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду. М.

² Primer Reichenau. Photographed by Dr. Konrad J. Tristram 03.03.1998. ULR: <http://www.rz.uni-potsdam.de/u/lingtri/schulheft/> (дата обращения 06.09.2023).



Рис.1. Разворот со стихотворением *Pangur Bán*

На рисунке выше сразу обращает на себя внимание расположение и организация текста. Автору несомненно было важно показать поэтическую структуру текста. Сначала он будто бы не придает значения форме и первые пару строк записывает так, словно продолжает писать прозаический текст. Однако сразу после начальных строк автор все-таки пытается выстроить визуальную стихотворную форму и старается расположить оставшиеся из восьми четверостиший в стихотворной форме в виде двух строк каждое.

Здесь можно высказать предположение о том, что переписчик не являлся автором стихотворения и, возможно, даже не являлся носителем древнеирландского языка, поэтому сразу мог не распознать поэтический текст и начал записывать его как прозаический. Но потом все-таки понял, что это стихотворение и продолжил его записывать в визуальной поэтической структуре.

Каждое новое четверостишие начинается с четко выделенной заглавной буквы, вторая линия каждого четверостишия имеет небольшой отступ, что дает читателю также визуально понять и

смысловое деление фразы. Стихотворение имеет ярко выраженный ритмический рисунок и рифмы.

Стихотворение было впервые опубликовано вместе с переводом на английский во втором томе «*Thesaurus Palaeohibernicus*» в 1903 году. Название *Rangur Bán* можно перевести также как «Пангур Белый» (от др.-ирл. *bán* – белый). Что касается слова *rangur*, то здесь возможны также варианты перевода (См. полный перевод стихотворения *Rangur Bán* на русский язык в Приложении 1). Например, Г. Кружков предлагает в качестве перевода «сунковал», т.к. «по-видимому, манера этого котика валяться на полу напоминала его хозяину движения работающего сукновала»³.

Особое внимание следует обратить на аллитерацию, которая широко используется в стихотворении *Rangur Bán* и которая также имеет визуальную ориентацию в древнеирландском языке, так как предполагает чередование начальных согласных:

8. He fesin as cho imsid dá u in muid dun gí cach oen lá u du thabairt do raid du glé for mu mud cein am messe .	Он на страже каждый день И играть ему не лень. Свой же вижу труд таким: Сделать сложное простым.
---	---

Также важно обратить внимание на то, что в данном случае аллитерация – это не только аудиальный аспект, но и визуальный, поскольку, например, буквы *d* и *m* в древнеирландском языке могут образовывать разные звуки в зависимости от положения, но автору важно показать чередование *d* и *m* визуально.

Что касается вербального уровня визуальности, то он заключается в прямом словесном выражении при описании видимых или невидимых объектов в структуре поэтического текста.

Этот аспект также находит свое отражение в стихотворении *Rangur Bán*. Здесь мы можем наблюдать своего рода «доместикацию» пространства. Доместикация – создание «своего» пространства (в данном случае путем называния), упорядоченное «свое» пространство в противовес хаотичному «чужому»⁴. В стихотворении *Rangur Bán* доместикация пространства выражается в сотворении собственного мира

³ Кружков Г. 2022: Там, на западе, за морем... *Новая Юность* 6. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/6/tam-na-zapade-za-morem.html (дата обращения 06.09.2023).

⁴ Калыгин В.П. 1997: Некоторые аспекты доместикации пространства в ирландской мифологии и поэзии. *Atlantica – Атлантика. Записки по исторической поэтике* 3, 140–146.

монаха и его кота через описание этого мира. В этом замкнутом мире каждый из них занят своим делом, и этот мир защищает их от внешнего хаотичного мира и чужого воздействия.

Опираясь на разные уровни визуальности при чтении поэтического текста, читатель-зритель может дать свою собственную интерпретацию текста на синестетическом уровне. Синестезия в данном случае – это межсенсорная ассоциация, интерпретация текста читателем-зрителем.

Если взглянуть на текст стихотворения и попытаться ответить на вопрос, кем же является Rangur Bán, то при первом поверхностном прочтении можно сказать, что это обычный кот, который охотится на мышей, чем развлекает своего хозяина и скрашивает его будни.

Но при более глубоком многоуровневом чтении каждый может строить свои более глубокие интерпретации. Например, Rangur Bán может предстать не в буквальном образе белого кота, а в метафорическом образе белого ангела, который незримо поддерживает монаха в его повседневной работе благодаря своей пронизательности.

Это можно подтвердить примерами из сравнений в стихотворении, где автор показывает себя более слабым:

5. Fuachaidsem fri frega fál a rosc angléise comlán fuachim chein fri fegi fis mu rosc reil cesu imdis.	Зоркий взором в тишине Он гуляет по стене. Мой же взор безмерно слаб, Я науки жалкий раб.
--	--

Таким образом, визуальная структура развивается в древнеирландской поэзии сразу на нескольких уровнях (на непосредственном вербальном уровне, в аудиальном выражении текста, а также на материальном уровне текста в рукописях). Все уровни визуальной структуры вместе позволяют читателю-зрителю интерпретировать текст на синестетическом уровне.

Стихотворение Rangur Bán отражает развитие визуальной структуры древнеирландской поэзии, которое выражается в доместикации пространства (на вербальном уровне), в использовании аллитераций (на аудиальном уровне), в построении рукописного текста в манускрипте (на материальном уровне) и возможности индивидуальной интерпретации (на синестетическом уровне).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перевод стихотворения *Pangur Bán*⁵.

Pangur Bán	Пангур Белый
<p>1. Messe <i>ocus</i> Pangur Bán, · cehtar nathar fria saindan bíth a menmasam fri seilgg · mu menma céin im saincheirdd.</p>	<p>Я и друг мой Пангур Белый – Оба заняты мы делом: Он – охотой на мышей, Я – созданием идей.</p>
<p>2. Caraimse fos ferr cach clú · oc mu lebran leir ingnu ni foirmtech frimm Pangur Bán · caraid cesin a maccdán.</p>	<p>Лучший отдых для меня – Книги толстая броня. Белый Пангур не в обиде, Любит игры в детском виде.</p>
<p>3. Orubiam scél cen scís · innar tegdais ar noendís taithiunn dichrichide clius · ni fristarddam arnáthius.</p>	<p>В нашем доме не до скуки, Мы грызем гранит науки. Для борьбы и состязаний Нам хватает наших знаний.</p>
<p>4. Gnáth huaraib ar gressaib gal · glenaid luch inna línsam os mé dufuit im lín chéin · dliged ndoraid cu ndronchéill.</p>	<p>Иногда меж ратных сцен Мышь ему сдается в плен, Так и в книжном я бою В сеть поймаю мысль мою.</p>
<p>5. Fuachaidsem fri frega fál · a rosc anglése comlán fuachim chein fri feigi fis · mu rosc reil cesu imdis.</p>	<p>Зоркий взором в тишине Он гуляет по стене. Мой же взор безмерно слаб, Я науки жалкий раб.</p>
<p>6. Faelidsem cu ndene dul · hinglen luch inna gerchrub hi tucu cheist ndoraid ndil · os me chene am faelid.</p>	<p>Преисполнен он затей, Мышь в плену его когтей. Я же радуюсь, хоть плачь, Над решением задач.</p>
<p>7. Cia beimmi amin nach ré, · ni derban cách a chele maith la cehtar nár a dán, · subaighthius a óenurán.</p>	<p>Так и вертимся по кругу, Не мешая жить друг другу. Жаждой жить увлечены И познания полны.</p>
<p>8. He fesin as choimsid dáu · in muid dungní cach oenláu du thabairt doraid du glé · for mu mud cein am messe.</p>	<p>Он на страже каждый день И играть ему не лень. Свой же вижу труд таким: Сделать сложное простым.</p>

⁵ Stokes W., Strachan J. 1903: *Thesaurus Palaeohibernicus: a Collection of Old-Irish Glosses, Scholia Prose and Verse*. Cambridge, 293–294.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ АНТРОПОЛОГИИ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

В изложении антропологии в VII книге «Естественной истории» Плиния дано описание развития человека на материале собранных Плинием выписок и их относительно вольной авторской интерпретации. Интерес к изучению человека сочетается у Плиния с подборкой информации по самым разным темам, начиная от привлечения легендарных сведений и завершая более или менее достоверными свидетельствами из прошлого Греции и Рима.

В качестве риторического способа группировки материала по темам (ср., например, тему о счастливой кончине в § 87 или о воскрешении из мертвых в §186) Плиний использует «поучительные примеры» (*exempla*), которые представляют собой краткие истории об античных героях или эпизоды из жизни знаменитых людей прошлого. Нравоучительная функция этих «примеров» состояла в том, чтобы подкреплять заявленные автором общие рассуждения морального свойства и делать их для читателя более убедительными и занимательными. Схожим образом Плиний использует в VII-ой книге риторическую форму каталога в виде списка греческих и римских первооткрывателей и изобретателей (§§ 191–209).

**ВЕНЕРА ЭРУЦИНСКАЯ, ФАБИИ/ПОРЦИИ И РИМСКАЯ CIVITAS
В ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОГО НАРРАТИВА**

Источники сохранили воспоминания о распространении культа Венеры в древнем Риме эпохи Средней Республики и, в частности, культа Венеры Эруцинской, чей храм был воздвигнут на Капитолии во время Ганнибаловой войны. Его расположение в пределах померия заставляет обратить внимание как на конкретно-исторический контекст утверждения нового культа, так и связь нового божества с различными ипостасями Венеры, получившими распространение на территории древней Италии. Ливий пять раз упоминает храм Венеры Эруцины в 22-й и 23-й книгах своего сочинения, явно придавая ему особое значение. По мнению исследователей, культ Венеры Эруцины был создан после того, как римляне отбили у карфагенян сицилийский город Эрикс, в силу чего он являлся важным символом успешной борьбы Рима с Карфагеном и, в частности, с Баркидами, поскольку отец Ганнибала, Гамилькар Барка, участвовал в борьбе за Эрикс. Не случайно, ранние изображения этой богини представляли ее в виде Победительницы. С другой стороны, Эрик долгое время был одним из мест поклонения пунийской Астарты и одновременно идентифицированной с ней греческой Афродиты. Трансформация Афродиты/Астарты в ее римский эквивалент Венеру демонстрирует попытку не только «романизировать» древний культ, но и одновременно интегрировать Рим в культурное пространство греческого мира.

ОРИЕНТАЦИЯ РИМСКИХ КОЛОНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Наиболее распространенной системой римского межевания была лимитация – деление площади колонии на квадраты пересекавшимися под прямым углом дорогами-лимитами. Согласно предписаниям трактатов, главные дороги должны были быть ориентированы по сторонам света: главный декуман проходил с Востока на Запад, а кард – с Севера на Юг. Очевидно, такая жесткая связь со сторонами света должна быть обусловлена некими религиозными представлениями. Римские землемеры действительно возводят лимитацию к учению этрусских жрецов, более того, распространённости этой практики у этрусков можно найти археологические подтверждения.

Однако как обстояли дела непосредственно у римлян? У самих землемеров многочисленны указания на то, что направление лимитов может видоизменяться в зависимости от особенностей рельефа, так обстоят дела с первыми приморскими колониями. Они также упоминают, что в качестве декумана может использоваться дорога, проходящая через территорию колонии. Исследования ориентации римских колоний эпохи Республики и Империи указывают на многочисленные отклонения от правила ориентирования декуманов по линии Восток-Запад. Исследователи (A. Rodríguez-Antón, A. C. González-García, J. A. Belmonte) предлагают установить закономерность между нарушением предписываемой ориентацией лимитации и особенностью региона, типом выводимой колонии и проч. В докладе будет рассмотрена предлагаемая гипотеза, а также предложены иные варианты решения проблемы.

РЕЛИГИЯ В ОЙРАТСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНОНИМОВ

В Архиве внешней политики Российской империи хранится интересный документ, наглядно подтверждающий использование цинскими властями религиозного фактора в политике по отношению к их давним соперникам – ойратам. Они использовали религиозный дискурс этнонима джунгар в целях дискредитации этих ойратов перед буддийским миром, для чего обвинили их в переходе в ислам. Таким образом, в одном из документов джунгарские правители (Цэван-Рабдан (1663–1727) и Галдан-Церен (1693?–1745)) названы «тхомкарами», этим же словом обозначены и все джунгары. Автор считает, что слово «тхомкар» – производное от тибетских слов 'thom pa (среди ряда значений – «одурманенный»), и dkar wa (белый) – 'thom dkar: «одурманенные белым», «впавшие в белое», под чем следует понимать либо еретиков, либо мусульман (ставших мусульманами). Обвинение джунгарских лидеров, начиная с Галдана, в «уходе» в ислам было сознательно сконструированным механизмом противостояния пробуддийской «джунгарской» идее 1616 г. После разгрома Джунгарии маньчжуры запретили само имя джунгар, и «утвердили» прежнее – элэты.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРГАМСКОГО ЦАРСТВА В ТРУДАХ М.И. РОСТОВЦЕВА

В нескольких трудах по истории эллинизма М.И. Ростовцев охарактеризовал историю и важнейшие институты Пергамского государства. Историю царства Атталидов М.И. Ростовцев делит на два периода, которые определяются характером власти правителя и особенностями государственных институтов – *dynasteia* и *basileia*. Определяя характер власти Филетера и Эвмена I, М.И. Ростовцев однозначно называет их династами, хотя достаточных оснований для этого нет: в эпиграфических памятниках времени правления Филетера и Эвмена I правитель не имеет титула и фигурирует как частное лицо.

По мнению М.И. Ростовцева, в царстве Атталидов сложилась система административно-территориального деления, напоминающая египетскую времени Птолемея с некоторыми местными вариациями. Наименьшей административной единицей в царстве Атталидов, по мнению ученого, были топы; номы в царстве Атталидов отсутствовали, но имелись топархии и деревни. М.И. Ростовцев не учитывает, что в документах Атталидов термин «*topos*» имеет несколько значений и не поддается однозначному объяснению.

Отмечая большую роль городов, прежде всего, Пергама, М.И. Ростовцев основательно характеризует полисные институты. В самом Пергаме реальная власть принадлежала коллегии стратегов, которые не избирались собранием граждан, а назначались царем.

М.И. Ростовцев выдвинул спорный тезис о том, что для городов, оказавшихся под властью Атталидов на ранних этапах истории царства, образцом служила конституция Пергама. В целом вся картина развития городского строя полисов и политики Атталидов в отношении городов, как ее представляет М.И. Ростовцев, предполагает очень высокую степень концентрации и централизации власти в руках Атталидов и сильное давление и вмешательство короны в городские дела. Между тем, политика Атталидов в отношении полисов была более гибкой.

Общая позиция М.И. Ростовцева в оценке политического строя Пергамского царства состоит в том, что в государстве Атталидов сложилась достаточно четко структурированная, централизованная система управления со стройным и унифицированным административно-территориальным делением страны, с жестким контролем царской власти над всеми частями государственной системы и

областями государства, похожая на сложившуюся в эллинистическом Египте. Фактический материал во многом не подтверждает такой вывод, что нисколько не умаляет заслуг ученого в исследовании Пергамского царства и всего эллинистического мира.

**SACERDOS И PONTIFEX У ТЕРТУЛЛИАНА:
ОТ ЯЗЫЧЕСКОГО ЖРЕЦА ДО ХРИСТИАНСКОГО ЕПИСКОПА**

Тертуллиан, один из ключевых раннехристианских авторов, различным образом именует христианских священнослужителей, причём помимо специфически церковных терминов (*episcopus*, *presbyteros*) использует и более общее *sacerdos*, а также весьма нетривиальное *pontifex*. В докладе рассматриваются вопросы о том, как Тертуллиан воспринимал формирующиеся христианские священство и епископат, в каком контексте рассматривал их жреческий характер и какой историко-культурный горизонт отражён в этих воззрениях африканского апологета.

МАРИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ЕГО ТРИБУНАТА

Доклад посвящён *Lex Maria de suffragiis ferendis* и его вето на проект хлебного закона. Инициированный Марием, по мнению докладчика, способствовал подкупу избирателей, а при его проведении он вовсе не ссорился сенатом и знатью, как это изображает Плутарх, а заручился поддержкой весьма влиятельных людей, что же касается вето, наложенного им на зерновой закон, то Марий, судя по всему, выступил против сокращения хлебных дотаций, каковые этот проект, надо думать и подразумевал.

«Брундизийский путь» Горация: к проблеме политического подтекста

Путешествие Горация, описанное в пятой сатире первой книги, связано с одной из самых драматических страниц в истории второго триумvirата, хотя из самого текста невозможно себе представить, что в тот момент Рим находился на грани новой гражданской войны. Относительно политического подтекста данного произведения в историографии давно ведутся дискуссии, начиная с вопроса о том, какая именно дипломатическая миссия Мецената легла в основу рассказа о его путешествии в компании поэтов. В последнее время исследователи пытаются усмотреть (на мой взгляд, не всегда убедительно) политический подтекст и аллюзии в некоторых сценах сатиры, например: шутовской поединок Кикирра и Сармента, любовное фиаско Горация на вилле близ Тривика. Соответствующие объяснения предлагаются и для внезапного финала «*Iter Brundisinum*», который вызывает разочарование у многих историков.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФАНАГОРИЯ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Средневековая история и археология Фанагории изучена крайне недостаточно. Это обстоятельство обязано как скудости письменных источников, так и ограниченному объему исследований слоев средневекового времени на городище и некрополе. В последние годы Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН в содружестве с Музеем-заповедником «Фанагория» предпринимает большие усилия по исправлению этой ситуации. На нижнем плато городища начаты археологические исследования на большой площади в 2000 м² (раскоп «Нижний город»), которые дают возможность изучать слои 5–9 вв. Их мощность достигает четырех метров. К настоящему моменту уже получены важные результаты, которые, в частности, позволяют разделить средневековую историю Фанагории на два больших периода – византийский (5 – середина 6 вв.) и «хазарский» (последняя треть 7 – конец 9 вв.). Основным критерием для такого деления служит катастрофа, которая постигла город в промежутке между 545 и 554 годами. О ней сообщает Прокопий Кесарийский (*De Bello Goth.* 8. 5), а подтверждение находит в археологических и нумизматических данных. В частности, в огне пожара погибла древнейшая на территории России синагога, просуществовавшая до этого в течение полутысячи лет. В результате тотального разрушения город прекратил свое существование более, чем на сто лет. Жизнь в нем возобновилась только в последней трети 7 века. С этого времени в Фанагории заметно усиливается влияние Хазарского каганата, что сказывается и в материальной культуре, в том числе в использовании новой строительной техники – *opus spicatum* (кладка «ёлочкой»).

Фанагория погибает в результате вражеского нападения примерно на рубеже 9 и 10 веков.

**О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ МИРНОМ ДОГОВОРЕ МЕЖДУ АНТИГОНИДАМИ И ЭАКИДАМИ
ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ПИРРА**

Согласно распространенному мнению (представленному в работах И.-Г. Дройзена, У. Тарна, К.-Ю. Белоха, П. Левека, П. Кабана, Н. Хаммонда и др. исследователей), после разгрома и гибели Пирра в Аргосе осенью 272 г. до н.э. его наследник Александр II, находившийся в это время в Эпире, заключил мирный договор с победителем, Антигоном Гонатом. Однако если подобный договор, о котором в имеющихся источниках не сохранилось информации, действительно был подписан, Гонат мог заключить его с другим сыном Пирра – Геленом, который попал в плен в Аргосе и позднее был с почестями освобожден македонским царем. Гелен, единокровный брат Александра II, был отправлен Гонатом в Эпир вместе с останками Пирра и частью его капитулировавшей армии. Дальнейшая судьба Гелена неизвестна; в источниках, впрочем, крайне немногочисленных, он более не упоминается. Нападение Александра II на Македонию во второй половине 260-х гг. до н.э. позволяет допустить, что он не имел личных обязательств перед Антигоном Гонатом и не заключал с ним ранее мирного договора.

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Традиционно считалось, что Великая Греческая колонизация Северного Причерноморья происходила на малонаселенных землях с редким оседлым и преимущественно кочевым населением. С последним связывались курганные группы, вытянутые цепочками и маркировавшими пути сезонных перекочевок, а также монументальные насыпи со статусными захоронениями.

Масштабные археологические разведки, проведенные в последние два десятилетия крымскими археологами на территории Керченского полуострова, выявили многие десятки ранее неизвестных поселений эпохи поздней бронзы-раннего железа. Находки греческой архаической керамики показывают, что значительная часть этих памятников, в том числе, расположенных в глубинных частях полуострова, доживает до начала греческой колонизации.

Таким образом, к VII–VI вв. до н.э., когда на побережьях Восточного Крыма стали возникать греческие апойкии, территория полуострова была достаточно плотно заселена и полностью контролировалась предводителями аборигенных народов. Топография поселений и связанных с ними курганных групп говорит о выделении предводителей, сочетающих потестарно-клановую, военную и сакральную власть. Именно один из этих предводителей, легендарный царь Айэт, даровал милетянам земли для основания Пантикапея.

По уровню своего экономического развития общество восточнокрымских аборигенов находилось на переходной стадии от бронзового века к железному. За неимением собственных источников металла и отсутствием технологий по его обработке значительная часть орудий труда и оружия производилась из камня, дерева, кости. Находки бронзовых топоров, наконечников копий и стрел, кинжалов, тесел, серпов, как правило, единичны.

Удаленность от основных центров металлургии делала изделия из меди и железа дорогим и престижным товаром. Этим обстоятельством воспользовались греческие торговцы для выстраивания системы товарообмена, по стоимости непропорционально завышенного для аборигенов. В обмен на зерно, скот, продукты животноводства и

промыслов греки предлагали металлы, ткани, изделия из «финикийского стекла», вино. Последнее стало наиболее востребованным и ценилось наиболее высоко.

Трудности, с которыми столкнулись греческие торговцы в налаживании широкого товарообмена, были связаны с особенностями социальной организации аборигенного общества, в котором родовым и клановым старейшинам принадлежала вся полнота власти: над угодами, стадами, средствами производства, имуществом, значительными запасами продовольствия.

С прибытием первых волн греческих переселенцев традиционная родо-племенная организация общества восточнокрымских аборигенов стала трансформироваться в раннеклассовую. Если в начале 1 тысячелетия до н.э. они проживали в неукрепленных поселках без выраженной территориально-пространственной иерархии, то к середине тысячелетия выделяются крупные центры, расположение которых использует фортификационные свойства местности.

Важнейшей задачей греческих переселенцев стала системная работа по разложению традиционного уклада аборигенного населения, игра на противоречиях отдельных социальных групп, создание конкуренции путем подкупа местных предводителей и срамливания их между собой. Греки были вынуждены вести изоощренную военно-дипломатическую работу: искать союзников среди местных племенных предводителей, в противовес их власти налаживать отношения с кочевниками-скифами, привлекать на службу вооруженные отряды наемников. Этим компенсировалась сравнительная малочисленность обитателей ранних греческих апоийк, отсутствие их военно-политического единства, удаленность и сезонная изолированность от основных центров метрополии.

**РЕЛИГИОЗНАЯ «ЭКСПЕРТИЗА» И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ:
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЕННОЙ МАНТИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В ЭПОХУ КЛАССИКИ⁶**

У греков, как и у других древних народов, система гаданий и искусство интерпретации божественных знамений разного рода были особенно востребованы в военной сфере. Как известно, особым авторитетом пользовались словесные прорицания – оракулы, полученные либо в результате личных консультаций, либо официальных обращений той или иной греческой общины по «военным» поводам в авторитетные панэллинские религиозные центры. Среди других, весьма распространенных способов, – гадания по поведению птиц, толкование сновидений и пр. – особенное внимание в докладе уделяется гаданиям по внутренностям жертвенных животных, которые, как правило, проводились перед началом военного предприятия, при пересечении войском границ собственного государства или перед непосредственным вступлением в сражение. Популярность именно этого вида гаданий, не зафиксированного в гомеровских поэмах и появившегося под влиянием ближневосточных практик, широко засвидетельствована в исторических сочинениях эпохи классики – трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта, сообщения которых находят интересные параллели в аттической трагедии, а также в визуальных источниках, прежде всего в вазописи. Эти свидетельства позволяют изучить структуру и основные компоненты данных ритуалов, рассмотреть бытовавшие способы толкования подобных божественных знамений и их значение в военных предприятиях, а также отметить важные особенности этого вида военной мантики у древних греков, в частности, ее относительную простоту в сравнении с ближневосточными образцами.

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>.

ЦИТИРОВАНИЕ ПИСЕМ ПАПЫ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО
У БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО (HE I.23-32) В СРАВНЕНИИ С ЦИТИРОВАНИЕМ
ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПРОРОКОВ У ГИЛЬДЫ (DEB 34-64)

Британские латинские прозаические сочинения «О гибели Британии» Гильды Премудрого (DEB; предположительно VI в.) и «Церковная история народа англов» Беды (HE; 730-е гг.) отличаются обильным использованием «чужого текста». В то время как в круг чтения Гильды (помимо Библии) входит порядка пяти-семи писателей (Вергилий, блж. Иероним, Руфин и др.), как считается, круг чтения Беды был значительно шире. При цитировании документов и сочинений других писателей Беда обнаруживает более разносторонний подход, однако именно цитирование посланий папы Григория Великого (ум. 604) характеризуется заметным сходством с цитированием Библии (в частности, ветхозаветных пророческих книг) у Гильды.

Как и в случае Гильды, текст Беды обнаруживает тенденцию к формализации средств цитирования: например, однообразным «et iterum», «et post pauca», «et infra» в DEB отчасти соответствуют диалогические маркеры «interrogatio Augustini — respondit Gregorius» в HE. Такая формализация может рассматриваться как текстуальное клише; это примечательно в том числе в силу того, что латынь является неродным языком, вероятно, для обоих авторов. Однако, в отличие от Гильды, Беда не разлагает цитируемый текст на фрагменты, а приводит его целиком (что обусловлено в том числе объёмом текста).

Стоит отметить, что текстуальные функции цитирования в указанных сочинениях не эквивалентны (у Гильды цитируемый текст служит материалом для формулировки инвективы, в то время как у Беды — историческим документом), однако их сближает высокая степень авторитетности цитируемого текста (топос обращения к высшей инстанции, смягчённый у Беды).

К ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ ЛИВИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
В ЕГИПЕТСКОМ ЛОГОСЕ ГЕРОДОТА: ЦАРЬ АСИХИС (Hdt. II. 136)⁷

Согласно «египетскому логосу» «Истории» Геродота, преемником последнего из строителей пирамид Микерина был царь по имени Асихис (Асс. Ἰσυχίϛ), который якобы построил «преддверие святилища Гефеста, далеко превосходящее красотой и обширностью все другие», а также ввел ряд норм, связанных с долговым правом. По одному из изданных им законов, «разрешалось брать деньги в долг под залог мумии собственного отца», а по другому «заимодавец вступал во владение всей семейной усыпальницей должника, и в случае неуплаты долга должника ожидала вот такая кара: и сам он после кончины лишался погребения в семейном или в каком-либо другом склепе, равно как и его потомки». Кроме того, якобы Асихис воздвиг в память о себе «пирамиду из глиняных кирпичей с надписью, вырезанной на камне», которая призывала не ставить это сооружение «ниже каменных пирамид» (Hdt. II. 136). В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского аналогом этого царя является, видимо, Сасихис (Асс. Σάσυχίϛ), второй великий законодатель Египта, введший, в частности, ряд культовых установлений (Diod. I. 94). По мнению А.Ллойда, обе эти фигуры соответствуют Шешонку I (Lloyd 1988: 87-88). Думается, что основой для интерпретации этих свидетельств должны быть упоминания в них долгового законодательства, вызывающие ассоциацию с деятельностью царя XXIV династии Бокхориса (cf. Diod. I. 65, 94); кроме того, саму форму имени «(С)асихис» можно сопоставить с Хоровым именем основателя XXIV династии Тефнахта sz-ḥt («Сведущий утробой»), и, таким образом этот персонаж Геродота скорее может отражать реминисценции об этом царе. Вероятно, свидетельства об этом царе встраиваются в положительное описание правления саисских династий, свойственное как труду Геродота, так и в целом античной традиции.

⁷ Исследование проведено при поддержке проекта РФФ 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. – начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ЭКФРАСИС: ЧАША СИДОНИЯ И КОЛЬЦО АВИТА

Интеллектуалы позднеантичной эпохи, взращённые в риторической традиции, применяли полученные навыки в литературной переписке. Одной из важных целей переписки, помимо основной – коммуникации – выступала самопрезентация. Авторы позиционировали себя как представителей интеллектуальной элиты, хранителей классической культуры. Экфрасис – описание предмета искусства в литературном тексте – являлся одним из риторических упражнений и, следовательно, время от времени, появлялся в текстах питомцев риторических школ. Два подобных описания присутствуют в письмах двух позднеантичных аристократов Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486) и Авита Вьеннского (ок. 450 – ок. 518). Оба эпистолографы были представителями высшего социального слоя позднеантичного общества, дальними родственниками, выбравшими в какой-то момент своей жизни путь церковного служения: Сидоний на посту епископа Клермона, Авит – во Вьенне. При этом, их литературная деятельность продолжалась на протяжении всей жизни, в частности, в корреспонденции, как личной, так и деловой.

В одном из своих писем Сидоний повествует о серебряной чаше, предназначенной для подарка королеве Рагнахильде (Sid. Ep. 4. 8, 4-5); экфрасис Авита – это описание епископского кольца-печатки, которое он желает заказать (Avit. Ep. 87). Текст Сидония – поэтический, так как он был признанным мастером рифмы, более скромный литературный талант Авита позволил ему выразить свои мечты о кольце в прозе.

Детальное изображение двух предметов создавалось с разными целями, но это, безусловно, аллюзии на классический экфрасис, каковым считается описание щита Ахилла Гомером (Hom. Il. 18, 478-609). В то же время, более поздний текст Авита вполне может расцениваться и как подражание Сидонию, его старшему товарищу, которого Авит считал образцом изящной словесности.

В целом, эти два фрагмента свидетельствуют не только о любви их авторов к классической литературе, но и о желании сохранить ее достижения в «позднеантичной упаковке» для потомков на фоне все более варваризирующегося Средиземноморского мира и, как уже было отмечено ранее, продемонстрировать собственные познания и талант, показав себя знатоком античной традиции и мастером красноречия.

**Ἐνεχυρασία в древнегреческом праве
и римский институт pignoris capio**

Ἐνεχυρασία в древнегреческом праве и pignoris capio в римском имеют ряд общих черт. И Ἐνεχυρασία, и pignoris capio осуществляется принудительно, часто с помощью насилия. При этом оба института можно считать обеспечительными мерами, цель которых — обеспечить исполнение обязательства. И Ἐνεχυρασία, и pignoris capio могут осуществляться публичной властью в публичных интересах. Возникновение частноправового института залога и в греческом праве, и в римском праве может быть связано с Ἐνεχυρασία и pignoris capio соответственно. Можно также обратить внимание на возможную связь Ἐνεχυρασία и pignoris capio с жертвоприношениями.

К ИСТОРИИ ТИТУЛА PATER SENATUS

Несмотря на плодотворное изучение титулатуры римских императоров из поля зрения антиковедов ускользнул один из них, а именно *pater senatus*. Он возник в середине первого века по прихоти сенатора эпохи Клавдия Випсана, но стал актуален в III в. н.э. Однако «жизнь» этого элемента титулатуры оказалась краткой. Его использовали лишь три императора: Коммод, Пупиен и Бальбин.

В докладе автор предпринимает попытку ответить на вопрос о том, почему титул не прижился в эпоху раннего принципата, но стал актуален лишь на короткий период в эпоху кризиса третьего века и среди определенного круга императоров.

**MATRONAE: «МАТЕРИ СЕМЕЙСТВ» КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ
В ПЕРВОЙ ПЕНТАДЕ «AB URBE CONDITA» ТИТА ЛИВИЯ**

Как известно, описание легендарных событий, количество свидетельств о которых сам Тит Ливий считает недостаточным (что подтверждается его рассуждениями в Praefatio, VI. 1 и других), даёт автору возможность использовать их в качестве морального примера и употребляется скорее как нравоучение, нежели сколько-то достоверный рассказ. В настоящем докладе предпринимается попытка проанализировать, каким образом в этой связи используется Ливием образ *matronae*, или матерей римских семейств. Приводится контекстуальный анализ фрагментов, в которых употребляется упомянутый образ, а также анализируются и систематизируются функции, которые *matronae* выполняют в зависимости от того или иного окружения. Наконец, приводится сравнение образа *matronae* с другими образами групп женщин в первой пентаде.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАК ФАКТОР ИСТОРИИ В ТРУДЕ КАССИЯ ДИОНА

Одним из направлений современных исследований «Римской истории» Кассия Диона является изучение концептуальных основ данного труда, в том числе подходов автора к трактовке причинно-следственных связей. Видел ли Дион закономерности, скрывающиеся за мотивами государственных деятелей? Как он понимал движущие силы истории? В какой степени он следовал традиционным моралистическим схемам, характерным для римских историков? Как показывают современные исследования, Дион, придерживаясь восходящей к Фукидиду традиции, полагал, что действия людей повторяются при определенных условиях, а их поведение предсказуемо и определяется такими базовыми свойствами человеческой природы как страх, своекорыстие и жажда власти. Вместе с тем отмечается специфика воззрений Диона. Например, в отличие от Фукидида и Аристотеля, которые считали равенство граждан ключевым фактором политической стабильности, он утверждает, что человек по свойству своей природы не терпит над собой власти себе подобных и ищет не равной доли в управлении полисом, а господства над другими людьми (fr. 5.12; fr. 7.3). На этом основании делается вывод о том, что концепт ἀνθρώλεια (ἀνθρώλινη) φύσις или τὸ ἀνθρώλινον (ἀνθρώλειον) понадобился Диону главным образом для объяснения причин междоусобной борьбы в Риме, упадка и крушения Республики, а также для обоснования превосходства монархического правления. Означает ли это, что концепция человеческой природы как фактора истории оказалась, как полагают некоторые исследователи (Pelling 1997, 122; Burden-Strevens 2020, 194–195), нерелевантной для повествования Диона об императорском Риме? Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что принципат, с точки зрения автора «Римской истории», не стал панацеей от интриг, заговоров, мятежей и гражданских войн, которые Дион связывает не только со спецификой правления конкретных императоров, но и с общими закономерностями поведения людей, в том числе с тем, что «никто не подчиняется власти по доброй воле» (LIX.16.7) и с «присущим большинству людей лицемерием» (LIII.24.1).

О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ФОНЕ
РИМСКО-ГЕРМАНСКИХ ВОЙН (КОНЕЦ I в. ДО Н. Э. – НАЧАЛО I в. Н.Э.)

Попытка Рима завоевать часть центральной Европы и учредить там провинцию Большая Германия в итоге провалилась. В историографии среди причин неудачи справедливо указываются суровая природа края, экономические и финансовые обстоятельства. Все же не до конца понятно, каким образом хуже вооруженным и постоянно враждующим между собой варварам удавалось противостоять сильнейшей армии Империи.

Представление о «древних германцах» как о дикарях, основными занятиями которых были грабительские походы и междуусобные войны, противоречит здравому смыслу: кого можно было бы в этом случае грабить? Поступающий археологический материал позволяет говорить о сравнительно развитой культуре земледелия, скотоводства и ремесла. Этим объясняется значительная плотность населения, и в целом, значительный военный потенциал «германцев».

Но решающим оказалось нежелание «диких германцев» покориться «цивилизованным» завоевателям. Полученные археологические данные предоставляют возможность нового прочтения давно известных текстов. В них мы выделяем два информационных ряда. С одной стороны, античные авторы транслируют укоренившиеся в коллективной памяти римлян клише о «дикости варваров», а с другой — (пусть и скупо) делятся своими непосредственными наблюдениями и впечатлениями. В данном случае особенно важны некоторые свидетельства Веллея Патеркула, лично участвовавшего в римско-германских войнах под командованием будущего императора Тиберия. Важную информацию содержат заключительные главы второй книги (Vell. II, 97 ff.) его краткой «Истории Рима». Ценный сравнительный материал содержат «Записки» Юлия Цезаря и «Анналы» Корнелия Тацита.

Анализ текстов показывает, что самым трудно преодолимым препятствием для достижения взаимопонимания были штампы и предрассудки культурного и расового характера. Решающим фактором оказалась принципиальная несовместимость римско-средиземноморской и «германской» систем жизненных ценностей. Вражда, усиленная жестокостью в ходе военных действий, углубляла имевшуюся пропасть. У римлян не возникало желания (и понимания

необходимости) вникнуть в особенности «варварской» психологии. От германцев, которые подверглись агрессии, ожидать этого тем более не приходилось. Поставленные перед жестким выбором, они предпочли «вольницу», отвергнув чуждые их обычаям порядки. Их выбор во многом предопределил дальнейшие судьбы Рима и Европы.

ВЕЛИКИЕ ДИДИМЕИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ РИМА
ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРЕЧЕСКИМ ПРАЗДНИКАМ

Дидимеи были одним из важнейших религиозных праздников в Милете, который сопровождался спортивными и кифародическими состязаниями. Самые ранние упоминания о Дидимеях относятся к концу IV – началу III вв. до н.э., однако переломным этапом в их существовании становится конец III в. до н.э., когда локальный праздник был объявлен «венковыми играми» и по статусу стал равен важнейшим греческим празднествам: Олимпийским, Истмийским, Пифийским и другим играм. Это событие в целом укладывается в политическую и религиозную канву этого времени, поскольку многие малоазийские центры стремятся изменить статус своих местных празднеств и предать им панэллинский характер. О характере состязаний в Дидимах и их участниках мы знаем благодаря в первую очередь votivным надписям в святилище, однако источники по играм доримской эпохи немногочисленны. Более того, большинство надписей в честь победителей Дидимей датируется концом II – началом III в. н.э., в этот период соревнования называются «Μεγάλα Διδύμεια» или «Διδύμεια Κομόβεια». Последнее название, засвидетельствованное в монетной чеканке города и надписях в честь победителей, очевидно говорит о том, что город стремился наравне с Аполлоном отдать почести императору Комоду, а он в свою очередь выступал покровителем игр. Такое отношение сохранялось и дальше, о чем говорит ряд свидетельств, например, в середине III в. н.э. милетяне отправляют посольство в Рим, результатом которого стало освобождение игр от обложения налогом. Однако такое отношение не было уникальным случаем: пример Дидим находится в русле политики по поддержке греческих празднеств, которую проводили многие императоры, особенно в период II – III вв. н.э., когда на востоке империи происходит «агональный бум». В рамках доклада мы рассмотрим свидетельства, говорящие о римском влиянии на Дидимеи, и проанализируем их в контексте римской политики по отношению к греческим культам.

АВТОР ТРАКТАТА «HISTORIA AUGUSTA» О СЕБЕ САМОМ

Сборник императорских биографий «Historia Augusta» (в отечественной науке известен как «История августов» или «Авторы жизнеописаний августов») до сих пор остается одним из самых сложных для изучения текстов классической древности. Нерешенными остаются вопросы времени написания и авторства этого сочинения. В современной науке преобладающей является точка зрения исследователя XIX в. Г. Дессау, согласно которой за шестью псевдонимами, которыми подписаны биографии, скрывается один автор. Настоящий доклад, не ставя целью определение личности автора, сосредоточен на тех сведениях, которые он о себе сообщил. Задача по выявлению таких сведений усложняется тем, что автор, человек с богатой фантазией и чувством юмора, преподносит информацию о себе по большей части в пространных отступлениях, где он ведет полемику сам с собой (от лица различных «авторов», чьими именами он подписывает разные биографии). Вместе с тем, сведения эти разнообразны и касаются вопросов государственной, общественной, экономической и религиозной сторон жизни в поздней Римской империи.

АНТИЧНОСТЬ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК
В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Доклад посвящен теме древности в творчестве писателя и преподавателя всемирной истории Н.В. Гоголя (1809–1852). Источниками для доклада будут художественные и научные тексты автора как в составе собрания сочинений 2009 года, так и в составе отдельных изданий. Основное внимание в докладе будет уделено текстам из 8 тома собрания сочинений 2009 года издания. В лекции по древней всеобщей истории в качестве временных рубежей упомянуты несколько событий древней истории: основанием Рима завершился третий этап древней истории, четвертый этап начинался от основания Рима и завершился в периодов походов персов во главе с Киром Великим, пятый этап истории начался с возвышения Персии и завершился завоеваниями македонского царя Александра III Великого, шестой этап был временем существования эллинистических государств, седьмой этап завершился формальной отменой императорской власти в Западной Римской империи. Особенностью древнегреческих полисов была способность действовать сообща против общего противника, как это было во времена греко-персидских войн. Древние греки преуспели как в военных делах, так и в творчестве: история, философия, ораторское искусство, драма и т.д. Римляне в представлении писателя были народом искусным в военном деле и в науке об управлении государством (юриспруденция). На римскую науку и религию римлян оказали значительное влияние древние греки. Автор опирался в своих представлениях о Мидии на «Историю» Геродота. Мидия была государством, располагавшей сильной армией; войска делили на копейщиков, стрелков и всадников. Мидия вела на протяжении многих лет войны против скифов и ассирийцев. В период царствования царя Киаксара была взята Ниневия и покорена Ассирия.

В составе 3 тома опубликовано сочинение Н.В. Гоголя о преподавании всемирной истории. Говоря о Древнем Востоке, автор показал Кира Великого как «первого всемирного завоевателя». Персы покорили народы Востока, под властью персов они сохранили религиозную автономию; со временем они стали утрачивать свою идентичность. Древние греки были творческим народом, склонным к самоуправлению. В период правления Александра Македонского,

названного в тексте «честолюбивым греком», греки смогли покорить Азию и Ливию; символом греческого величия стал город Александрия (Египетская). Римляне были народом, известным своей сильной армией. Римляне смогли по представлениям автора стать повелителями мира.

Доклад разделен на несколько пунктов. В докладе рассмотрены историография (современная), современные публикации источников, преподавание истории Античности и Древнего Востока в 19 веке (лекции и методология), влияние Античности на имена знаменитых российских мыслителей и персонажей их произведений.

ЗАВЕРШЕНИЕ «ЕГИПТИАК» МАНЕФОНА
И ВОПРОС О ЕГО ЛОЯЛЬНОСТИ МАКЕДОНСКОЙ ВЛАСТИ

Как известно, различные свидетельства источников неопровержимо доказывают, что Манефон включал в свой список династий лишь тридцать династий, завершая последнюю Нектанебом II, изгнанным Артаксерксом III.

Однако в Эпитоме Манефона стоит и Тридцать первая династия (персидские цари времени Второго персидского владычества в Египте, 343 — 332 до н.э.), и те же самые источники настаивают на том, что о ней говорилось в том же самом третьем томосе Манефона.

Примиришь эти свидетельства можно только приняв, что Манефон и говорил об этих царях в своем третьем томосе, но не объединял их ни в какую династию своего списка, в его схеме они оставались вне династий. Иными словами в его схеме они были не законными царями, пусть и плохими, а просто узурпаторами, лишь фактически обладавшими Египтом, и потому не попавшими в манефоновские династии, как не попали в них ассирийские цари, покорявшие Египет.

Таким образом, третий томос и весь труд Манефона оканчивался так: оговорив бегство Нектанеба, он продолжил в виде своего рода эпилога рассказ об истории Египта до прихода Александра (о котором, несомненно, отозвался панегирически), упомянув там по именам трех персидских царей, владевших Египтом между Нектанебом и Александром, но в то же время каким-то способом дал понять читателю, что история Египта до Александра делится на тридцать династий, и последняя из них кончается Нектанебом, так что указанные три перса не входят ни в одну. Эпитоматоры просто для единообразия озаглавили и эту группу трех царей «династией» и дали ей номер.

Как Манефон это сделал? В обширных частях нарратива, дошедших через Флавия, слова «династия» и номеров или названий династий нет вообще, династическое членение там прямо никак не выражено. Оно присутствует только в подинастийном царском перечне Эпитомы. Скорее всего, Манефон сам приложил к своему нарративу этот перечень, и если в нарративе каким-то образом откомментировал падение Нектанеба II как великую финальную веху, но рассказал и об отрезке от этого падения до Александра, то в царском перечне просто завершил свой список четко выделенных династий Тридцатой, кончающейся на Нектанебе.

Эпитоматоры добавили в список трех персидских царей этого отрезка из нарратива и оформили их как XXXI династию. Такой картине и будут лучше всего отвечать сообщения источников.

Подавая непосредственных персидских предшественников Александра как лжецарей вне династий, Манефон, казалось бы, увеличивал освободительный подвиг Александра. Однако на деле египетская традиция и сам Манефон не прибегали к такому способу глорификации. XXVI династия сменяет чужеземное эфиопское владычество, XXVIII — чужеземное Первое персидское, но это не мешает Манефону оформлять оба эти чужеземные владычества именно как династии своего списка, XXV-ю эфиопскую и XXVII-ю персидскую, он не пытается заявить их царей лишь фактическими обладателями Египта вне династий, в отличие от царей Второго персидского владычества. При этом династии у Манефона могут быть сколь угодно ужасная, например нечестивая иноземно-завоевательская XV гиксосская, все свое правление желавшая уничтожить весь народ египтян и их храмы. Что мешало в таком случае Манефону подать Второе персидское владычество и Александра в том же самом духе: XXXI династия из персов, плохая, и XXXII династия, основанная Александром, освободительная и благая?

Обратим внимание на то, что если бы Манефон оформил персидских царей Второго владычества как династию (XXXI-ю), он никак не мог уклониться бы от заявления Александра в своем труде как основателя следующей XXXII династии — такое уклонение просто бросалось бы в глаза. Мы заключаем, что оборвал свой ряд династий на Нектанебе, за несколько правлений до Александра, именно для того, чтобы невключение в династии самого Александра воспринималось бы как нечто естественное, самоочевидное и не привлекало никакого внимания. В этом мы видим след его действительного отношения к македонской власти, согласующегося с его независимо известным крайним национальным патриотизмом.

Вопросы о степени действительной лояльности представителей туземных элит, делавших успешно карьеру, при греко-македонских династиях не имеет смысла решать, ища намеки в их публичных нарративах или известных нам событиях их жизни. Если уж в их нарративах могли бы опознать завуалированные выпады в адрес режима мы, то тем более могли бы это сделать сами представители режима, в том числе его туземные служащие, сторонники и осведомители, чего никоим образом не могли бы допустить их авторы. Иное дело, если речь идет о материале, который им был бы или практически не был бы всем этим

людям доступен к видению или пониманию — от гробничных надписей до неявных манипуляций со списками династий. Помещение персидских царей времен Второго владычества в третий томос, но с не списка династий, знаково завершено перед ними, относилось, по нашему мнению, к таким манипуляциям: никто, кроме современного специалиста по египетским царским спискам и связанным с ними концепциям или такого же египетского специалиста по ним, каким был сам Манефон, вообще не увидел, бы здесь вопроса, египетский специалист его уровня (а их были единицы, как видно из количества общих историй Египта по-гречески за века) мог бы задаться про себя вопросом, но не имел бы улик для доноса, а несомненно присутствовавшие в нарративе (раз уж доходил до конца Второго персидского владычества) финальные панегирики Александру (аналогичные отзывы о Птолемах должны были стоять и с начале, и в конце труда) служили Манефону надежным удостоверением лояльности и никому не дали бы заявить, что по царскому перечню с его тридцатью династиями как будто получается, что сколько-нибудь легитимные египетские правления кончились на Нектанебе II и с тех пор пока не возобновлялись. Решение заявлять как заключение предлагаемой им читателю египетской истории падение Нектанеба, а все дальнейшее подавать как постскриптум, избавило бы Манефона от вопросов на эту тему и со стороны того, кто вообще обратил бы внимание на подинастийный царский список (для носителей греческой культуры он ничего не значил, для них значимым для передачи смыслов был только нарратив, и то же самое относилось к подавляющему большинству самих египтян, кроме горстки людей, профессионально работавших с подинастийными царскими списками, вроде Туринского и Манефоновского, и принадлежавших к ненамного большей горстке лиц, вообще с ними знакомых и их переписывавших).

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ГИПОТЕЗЕ Х. ГЕДИКЕ
ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА МАРШРУТА БЕГСТВА СИНУХЕТА

В свое время видный австрийский египтолог Х.Гедике предложил весьма оригинальную версию «бегства» Синухета, которая в настоящий момент получила у многих египтологов признание (Goedicke H. *The Route of Sinuhe's Flight* // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 43 (1957), pp. 77-85; Bárta M. *Sinuhe, the Bible, and the Patriarchs*. Foreword by Thomas E. Levy. Praha. 2003). В чем состояла суть его гипотезы? Согласно ученому, приближенный Сенусерта I Синухет, боясь дворцовой смуты, которая должна была разразиться после внезапной смерти Аменемхета I, покинул расположение военного лагеря и караванным путем через Вади Натрун направился в сторону северной Гизы. Далее, минуя Гизу с расположенным там святилищем Сикоморы, он продолжил движение в сторону «резиденции Снофру», вблизи от которой, в области Негау, он совершил переправу при помощи «судна без руля» на противоположный восточный берег, и высадился рядом с местностью Джебель эль-Ахмар («Красная гора»). В дальнейшем его путь пролегал уже в сторону Азии. Если мы примем в своей основе гипотезу Х.Гедике, перед нами встает одна интересная проблема, где конкретно могли располагаться перечисленные топонимы, упомянутые в начале повести? В рамках доклада автор постарается конкретизировать их местоположение.

«НЕИЗДАННАЯ КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ»:

АХЕМЕНИДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ОСИПОВИЧА ТЮРИНА

Доклад повествует об исследованиях тульского историка Василия Осиповича Тюрина (1903 – 1972), которые были посвящены изучению Ахеменидской державы, в частности Бехистунской надписи. Известно, что Тюрин в 1941 году под руководством В. В. Струве защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя политика Дария I». Эта работа до сих пор остается неизданной, однако в течение последующих 20 лет Тюрин активно работает и публикуется в «Вестнике древней истории» и других престижных научных периодических изданиях. Ссылки на его статьи и диссертацию неоднократно встречаются в трудах И. М. Дьяконова, М. А. Дандамаев и других отечественных востоковедов. Собственно в 1962 году именно Тюрин становится автором статьи о Бехистунской надписи для Советской исторической энциклопедии.

Судя по имеющимся публикациям, научные интересы Тюрина в дальнейшем смещаются больше в сторону анализа вопросов социального строя древней Персии. Так одна из статей, к примеру, посвящена положению *kurtaš*, где также дается собственное определение термина *māniya*. В докладе предлагается осветить узловые вехи биографии Василия Тюрина и охарактеризовать его исследовательские выводы, исходя из современного состояния исторического знания о державе Ахеменидов.

**«История» Фукидида как образец для эллинистической
историографии: новое исследование рецепции древнегреческих
исторических сочинений**

В докладе планируется дать обзор одного из новейших исследований древнегреческих исторических сочинений как произведений художественной литературы – книги Марчина Курпеса «Рецепция Фукидида в теории и практике эллинистической историографии»: Marcin Kurpios, *The reception of Thucydides in the theory and practice of Hellenistic historiography* (Wien, 2021). На примере анализа М. Курпесом трактатов Дионисия Галикарнасского, в которых рассматриваются достоинства содержания «Истории» Фукидида, важные для эллинистической историографии, предполагается показать специфику авторского подхода к исследованию рецепции и интертекстуальности.

«Чужой среди своих»:

ИНОЗЕМЦЫ КАК РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСПЕРТЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В докладе будут рассмотрены популярные в литературной и исторической традиции римского времени образы жрецов восточных культов (Исиды и Осириса, Сераписа, Кибелы и пр.) и других «религиозных экспертов» — астрологов, других прорицателей, колдунов — связанных с иноземными традициями. Основное внимание будет уделено таким вопросам, как причины их популярности и влияния, взаимоотношения между этими «иноземцами» и традиционными античными культами, наконец, тому, насколько на самом деле «восточными» были эти культы и практики.

Рябкова Т.В.
Петракова А.Е.
Букина А.Г.

«АТТИЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ЕЛИЗАВЕТИНСКИХ КУРГАНОВ:
РАСКОПКИ Н.И. ВЕСЕЛОВСКОГО 1912–1917 ГГ.»

Елизаветинские курганы расположены на окраине станицы Елизаветинской близ Краснодара. Они относятся к числу наиболее выдающихся погребений эллинизированной скифо-меотской знати IV в. до н. э. Исследование курганов пришлось на 1912–1917 гг. и частично совпало с трагическими событиями Первой мировой войны, русской революции и было последней работой старшего члена ИАК Н.И. Веселовского. Вещи, переданные в Археологическую комиссию по завершении полевых сезонов, поступили в Эрмитаж в 1924 и 1926 годах в сильно фрагментированном виде, соотнесение многих с комплексами конкретных курганов было затруднено. До сих пор в научный оборот введена лишь небольшая часть наиболее эффектных предметов, большая же часть материалов ждет изучения и публикации.

В этом докладе речь идет о произведениях аттической расписной керамики, то есть об изделиях гончаров и вазописцев афинского Керамика, не просто привезенных в один из центров в Северном Причерноморье, как многочисленные находки на территории Керченского и Таманского полуостровов, но оказавшихся в итоге довольно далеко от побережья. Несмотря на наличие документов и публикации в ОАК, из произведений аттической керамики, раскопанных в Елизаветинских курганах в 1912–1917 гг. Н.И. Веселовским, в научный оборот была введена лишь панафинейская амфора. Исследования аттических расписных ваз, в том числе панафинейских амфор, за прошедшие сто лет обогатились многочисленными наработками, особенно со стороны немецких и греческих ученых. В том числе развитие получила идея о том, что чернофигурные панафинейские амфоры могли расписывать те же вазописцы, что исполняли и краснофигурные росписи. Обратиться к старым текстам в свете новых исследований представляется весьма плодотворным. Кроме того, в научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся краснофигурные вазы.

**МИФЫ ГРЕКОВ О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ СВОЕЙ ИСТОРИИ
И ДАННЫЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ**

В 481 г. до н.э. накануне второго похода на Грецию Ксеркс разослал туда своих послов. Они прибыли почти во все греческие города и потребовали от них земли и воды. Аргумент с точки зрения царя был самым важным. «Мы, персы, – говорили они, – считаем себя отпрысками Персея, сына Даная, и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами» (Hdt. VII. 150).

Эта мысль удивительным образом совпадает с тем, что именно Персей (к которому возводили свою генеалогию персы) и Геракл (от которого вели отсчёт своей родословной эллины) имели связь с Гипербореей. Такая идея (о родстве и общем происхождении эллинов с древними индоиранцами вообще) весьма рельефно отложилась в целом комплексе греческих мифов, проявляющих сходство с мифами ведийских ариев, в тождестве содержания эпических поэм двух народностей, греко-арийских параллелях, отображённых в их материальной и художественной культуре.

В доказательство исторической природы представлений древних греков эпохи классики относительно античной Гипербореи автором предложен анализ результатов исследования информации, отложившейся в разнотипных свидетельствах античной традиции и археологических памятниках времени средней и поздней бронзы Восточной Европы, Балкан и Северо-западной Индии (2200/2160 – 1750/1650 гг. до н.э.). Полученные данные помогают понять, что Гиперборея и гипербореи были одним из элементов представлений древних греков о своей прародине в Восточной Европе, откуда они пришли в Элладу.

ПРЕБЕНДА ВАВИЛОНСКИХ САДОВНИКОВ: ОСОБЕННОСТИ КОРПУСА ТЕКСТОВ

Пребенда садовников зафиксирована в нескольких нововавилонских городах: в Уруке, Сиппаре, Борсиппе и Вавилоне. Эта пребенда связана с содержанием садов-akītu, находившихся за пределами городской стены. Частных архивов пребендариев-садовников (gab banê) найдено не было, что отчасти связано со спецификой пребенды. Изучая их функцию и статус, приходится прибегать к документам разных жанров из храмовых и частных архивов. В докладе я расскажу об особенностях пребенды gab banê и о корпусе текстов, позволяющих ее изучение.

**ВСТУПЛЕНИЯ К МАЛОАЗИЙСКИМ ОРАКУЛАМ ПО ПЯТИ И СЕМИ АСТРАГАЛАМ
ОБ ЭТОМ ВИДА МАНТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА**

21 надпись разной степени сохранности из пограничных областей юго-западной Малой Азии – Писидии, Памфилии, Фригии, Ликии и Киликии – демонстрирует нам текст оракулов по пяти или семи астрагалам. Датируются эти надписи II – нач. III вв. н.э. Однако в античной литературе нет никаких свидетельств об этом виде прорицания, а значит, любые заключения об этом виде мантического искусства мы можем делать только на основании анализа самого текста надписей.

У 8 надписей текст оракула предваряют короткие вступления. Поэтому в докладе будет поставлена задача проанализировать информацию, содержащуюся в этих вступлениях, и исходя из нее определить место астрагальных оракулов в системе мантического искусства.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. По верованиям жителей юго-западной Малой Азии высокая прямоугольная колонна с вырезанным на ней текстом оракула по пяти астрагалам и с венчающей ее статуей Гермеса была прорицалищем под открытым небом. Возле этой колонны незримо обитал оракул, то есть вещей дух места, который контролировал падение брошенных астрагалов. Механизм получения откровений в этих святилищах считался по сути таким же, как и в прославленных прорицалищах, например, в Дельфах. Покровителем астрагальных оракулов почитался Гермес. Но Гермес выступал здесь не как независимое божество, а как исполнитель воли Аполлона, отдавшего ему под контроль мантику по жребиям. Астрагальные оракулы продолжили традицию создания маленьких прорицалищ под открытым небом, известную нам и по святилищам в материковой Греции.

А СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КОДЕКС ЗАКОНОВ В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ?

Общепринято считать, что в Древней Персии отсутствовал кодекс законов, сопоставимый, например, с законами Хаммурапи, среднеассирийскими, хеттскими законами на Древнем Востоке, законами Драконта и Солона в Афинах, XII таблиц — в Риме. Это мнение признается не вполне корректным. В данном докладе, во-первых, отмечается роль персидского царя Дария I в кодификации местного права в Египте и, возможно, в Месопотамии и в греческих полисах Малой Азии, а, во-вторых, приводятся свидетельства источников в пользу существования некоего «собрания законов персов и мидян», на которые ориентировались цари при принятии своих решений, и в соответствии с которыми происходило судопроизводство в Древней Персии.

КОМПЛЕКСЫ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ II в. н. э. ГОРОДИЩА БАТАРЕЙКА I
И ИСТОРИЯ БОСПОРА ЭТОГО ВРЕМЕНИ

Одной из ключевых проблем истории Боспорского царства I– первой половины II в. н.э. является определение времени и причины внезапной гибели укрепленных пунктов Азиатского и, частично, европейского Боспора. Для этого анализируются керамические комплексы городища Батарейка I, образовавшиеся в результате гибели крепости. Комплекс башни содержал амфоры, включающие понтийские (Зеест 83–85, оранжевоглиняные с клювовидным венчиком, красноглиняные с отогнутым венчиком, Коричневоглиняные с вытянутым горлом и уплощенными профилированными ручками на плечиках, С IV С 1) и эгейские типы (Hayes 43, Proto Kapitan II, Agora J 46, Agora M 125, MR 18). Комплекс помещения II содержал синхронную им круговую столовую и кухонную посуду.

Проведенный анализ материалов из слоя пожара позволяет датировать это событие в пределах второй четверти II в. Эти разрушения по всей видимости отражают войну 123/124 гг. н.э. между боспорским царем Котисом II и скифами, закончившуюся победой правителя Боспора.

**СИСТЕМА ЗЕМЕЛЬНЫХ ПОЖАЛОВАНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ШАН И ДРЕВНЕМ КИТАЕ:
ВОЗРОЖДАЯ ДИСКУССИЮ О НЕЕВРОПЕЙСКОМ ФЕОДАЛИЗМЕ**

Пожалование земли как метод управления территорией и содержания государственного аппарата эксплицитно известен в Китае начиная с чжоуского завоевания (ок. 1046 г. до н.э.), по итогам которого У-ван роздал часть покоренных земель своим родственникам и союзникам. Тем не менее, косвенные данные о подобных практиках присутствуют уже в шанских текстах XIII–XI вв. до н.э.: серия надписей о назначении хоу-Шан, надпись о даровании «пяти урожаев» одному из сяо-чэней, особенности титулатуры шанских элит. Однако детали нам не известны. Идет ли речь именно о пожаловании земли, или же о несении службы на какой-либо территории? Могли ли пожалования быть наследственными, или же были ограничены сроком службы? Как провести границу между «удельным князем» и «чиновником»? Отличается ли власть над территорией от власти над людьми?

Довольно часто древнекитайские практики земельных пожалований сравнивают с феодализмом. Проблема в том, что представления о европейском средневековье в контексте такого сравнения часто носят довольно упрощенный характер, и не учитывают дискуссию о феодализме, которая идет в медиевистике уже много десятилетий. Оказывается, некоторые проблемы, с которыми сталкивается исследователь земельных пожалований в древнем Китае, характерны и для дел сугубо европейских. Является ли феодал землей собственностью? Чем феодал отличается от чиновника? Как связана земельная собственность и власть над людьми? Вне зависимости от того, как мы определяем древние китайские и средневековые европейские практики, очевидно, что специалистам в этих областях приходится решать одни и те же вопросы. И порой они приходят ко вполне сопоставимым выводам: что феодал и чиновник – это, по сути, одно и то же; что власть над землей и власть над людьми в древности и средневековье не отличимы друг от друга; что служба и земельное пожалование не обязательно связаны и т. п. А ведь в китайской историографии (медиевистов весьма удивляет этот факт) насчитывается не один, а несколько периодов «феодализма»: идеальный кейс для разговора о сущности данного явления.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПЕРСИИ 465 Г. ДО Н.Э. ГЛАЗАМИ ЕГИПЕТСКИХ ЖРЕЦОВ

Доклад посвящен анализу строк 10-11 «Стелы сатрапа» (4 в. до н.э.), где говорится о каре чужеземному правителю Хшеришу, конфисковавшему имущество храма Хора в Буто. Автор останавливается на идентификации Хшериша и показывает, что правильной может считаться только его сопоставление с Ксерксом. Далее демонстрируется, что глагол *wdj*, употребленный составителями стелы для описания некоего наказания богом Хором Ксеркса и его старшего сына во дворце в Персии, означает здесь «свергать». Эта информация совпадает с тем, что мы знаем из сообщений античных авторов об убийстве Ксеркса и его сына Дария во дворце начальником стражи Артабаном в августе 465 года. По-видимому, египетские жрецы, узнавшие об этом, приписали лишение Ахеменида трона и его гибель воле бога Хора, покаравшего нечестивца за святотатство.

«КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО В ЛИТЕРАТУРЕ: СОБОРОВАНИЕ БАЗАРОВА»

В романе «Отцы и дети» Евгения Базарова соборуют перед смертью. При соборовании, по словам Тургенева, используется «святое миро»:

«Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди...»

Вместе с тем, при соборовании используется не миро, а елей, и другое название соборования – Елеосвящение. Возникает вопрос – совершил ли автор романа ошибку и, в результате, перепутал Таинства – Таинство Елеосвящения и Таинство Миропомазания? Или же в данном случае можно говорить о сознательном смешении Таинств в тексте? В любом случае, упоминание святого мира в соборовании, совершенном над Базаровым, заслуживает внимания исследователя.

Смирнов С.В.
Захаров Е.В.
Кувшинова Е.А.

**МОНЕТЫ ГОСУДАРСТВА СЕЛЕВКИДОВ ИЗ РОССИЙСКИХ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ:
ИТОГИ ПРОЕКТА**

Проект публикации каталога монет государства Селевкидов из музейных собраний РФ, организованный совместно Российской академией наук, Государственным историческим музеем и Государственным Эрмитажем, был начат в 2017 году. К концу 2023 года основная часть проекта завершена. В ходе реализации проекта и работы над каталогом коллективом авторов были изучены коллекции двадцати четырех российских музеев, проведена работа по выявлению и определению монет государства Селевкидов, дана дополнительная уточняющая атрибуция. Всего в планируемом издании будут представлены более 2000 селевкидских монет, многие из которых будут опубликованы впервые. Издание дополнено историей крупнейших музейных собраний селевкидских монет в России. В докладе будут представлены основные результаты проекта.

«ПЛИНИЙ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ»:

**ОБРАЗ РИМСКОГО УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА В ЗАБЫТОМ ОЧЕРКЕ СЕРЕДИНЫ
XIX ВЕКА**

В докладе рассматриваются характерные черты портрета Плиния Старшего в очерке «Плиний естествоиспытатель», который был опубликован в 1850 г. в журнале «Библиотека для чтения» и стал одним из первых подробных обзоров жизни, творчества и мировоззрения знаменитого римского энциклопедиста в отечественной словесности. Исследование предпринято с целью уточнить и дополнить представления об особенностях восприятия античного культурного наследия в российской литературе середины XIX века.

Анализ образа Плиния Старшего в разбираемом очерке приводит к выводу о том, что повествователь, чье имя, к сожалению, остается неизвестным, новаторски изображает Плиния в непривычном для массовой читательской аудитории ракурсе: не только автором грандиозной «Естественной истории», но активным государственным деятелем и оригинальным мыслителем драматичной эпохи усиления монархии в Риме. Биография Плиния Старшего представлена как достойный подражания пример умения распоряжаться временем и успешного сочетания государственной службы с научными занятиями. В размышлениях Плиния Старшего о месте человека в окружающем его мире в качестве ключевых выделены выводы о жалкости человеческого честолюбия и катастрофических последствиях, к которому оно может привести.

Раскрывая мировоззрение Плиния Старшего, автор середины XIX века одновременно приоткрывает читателю свое миропонимание, выбирая из «Естественной истории» примеры, наиболее созвучные собственным взглядам. Особую роль в разбираемом очерке играют экскурс о Плинии Младшем и комментарий к оценкам творчества Плиния Старшего у Ж.-Л. де Бюффона и Ж. Кювье: они призваны убедить читателей в том, что критический анализ идей классических писателей и полемика с ними не перечеркивают благорасположения к античным авторам и античное наследие сохраняет значение надежной основы для диалога времен, объединяющего представителей различных исторических эпох раздумьями над общими для всех веков проблемами.

Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли

Знаменитая легенда об Атлантиде (якобы привезенная в Афины из Египта Солоном), излагаемая в двух диалогах Платона («Тимей» и «Критий»), должна трактоваться в контексте политических и историософских дискуссий IV века до н.э. Мыслители этой эпохи хорошо помнили имевшее место в предыдущем столетии противостояние Афин и Спарты, закончившееся победой последней в Пелопоннесской войне. Интересно, что «развращенная морем» Атлантида в изображении Платона в ряде отношений чрезвычайно напоминает демократические Афины времен Перикла, а противостоящие ей и всячески идеализируемые «древнейшие Афины», напротив, четко ложатся в параллель с классической Спартой, консервативной, сухопутной и отнюдь не демократической, а иерархической. Таким образом, в диалогах проявляется олигархическая и лаконофильская система взглядов. Дискуссионен вопрос о том, в чьи уста она вложена Платоном. Согласно традиционной точке зрения, Критий, рассказывающий об Атлантиде, тождественен известному олигарху конца V в. до н.э. Критию, сыну Каллесхра (дяде Платона), в 404–403 гг. до н.э. возглавлявшему репрессивный режим «Тридцати тиранов» в Афинах. Однако подобная идентификация Крития вышеупомянутых диалогов порождает очень серьезные, непреодолимые хронологические трудности. В свое время по эпиграфическим данным стал известен другой Критий (сын Леаида), дед «тирана», и крайне велика вероятность того, что именно он выведен Платоном в качестве действующего лица «Тимея» и «Крития». Обоснованию этого тезиса посвящена настоящая статья. В том случае, если он верен, перед нами предстает целая семья, в которой крайне-олигархические воззрения передавались по наследству. Данное положение хорошо согласуется с тем фактом, что еще один представитель этой семьи – Каллесхр (отец младшего Крития и сын старшего) – тоже был политиком-олигархом.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА АРАМЕЙСКУЮ НАДПИСЬ ИЗ ГИЕНОСА
(г. ОЧАМЧЫРА, РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ)

В 2019 году на городище Гиенос в слое разрушения храма рубежа V–VI в. н.э. была найдена плинфа со странной надписью. При первой публикации надпись была интерпретирована как арамейская, а текст её прочитан как начало алфавитария. Однако внимательное изучение этой публикации вызывает много вопросов. Автору данного доклада удалось поработать с надписью *de visu*. В процессе работы были сделаны ценные наблюдения и новая детальная прорисовка. В докладе представлены результаты палеографического анализа знаков и их сравнения с разными вариантами арамейского письма. В результате этой работы подтверждается, что надпись сделана арамейским письмом неизвестного извода, но первоначальное чтение её как начало алфавитария опровергается. Взамен предлагается несколько новых вариантов интерпретации, и обсуждается их обоснованность с разных точек зрения. Ставится вопрос о необходимости введения в научный оборот эпиграфических памятников Абхазии и создания корпуса арамейских надписей Кавказа.

Л.И. СТРАХОВСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О М.И. РОСТОВЦЕВЕ «Дядя Миша»

Младшая сестра М.И. Ростовцева Татьяна Ивановна (1875–?) вышла замуж за чиновника Министерства внутренних дел, в конце жизни сенатора Ивана Михайловича Страховского (1866–1921), расстрелянного большевиками по делу Таганцева. Их единственный сын Леонид Иванович Страховский (Strakhovsky; 1898–1963) учился в Александровском лицее (1913–1917), на историко-филологическом факультете Петроградского университета (1917–1918), но учебу прервали две революции и Гражданская война. Он примкнул к Белому движению как офицер связи при союзниках в Мурманске, был секретарем управляющего делами Мурманского Совета, затем на той же должности в Архангельске, в 1919 г. эвакуировался с англичанами в Великобританию, но осенью 1920 г. вернулся в Крым в армию барона П.Н. Врангеля. С конца 1920 г. Л.И. Страховский оказался в эмиграции в Лондоне, затем в Берлине, где организовал литературный кружок «Братство Круглого Стола», в который входили Г.П. Струве, В.В. Набоков и др. и с 1922 г. стал печататься под псевдонимом Леонид Чацкий. Он закончил Лувенский католический университет в Бельгии (1924–1928), получил степень доктора истории, стал преподавать как профессор русской истории. К концу 1920-х гг. Л.И. Страховский перебрался в США, был лектором политической и дипломатической истории Европы (с 1928), профессором новейшей истории Европы Джорджтаунского университета в Вашингтоне (1936), профессором европейской истории университета штата Мэриленд (1937–1942), преподавал русский язык и литературу в Гарварде (1943–1948), профессор русской истории и литературы в Департаменте славянских исследований Торонтского университета (1950–1963). Ему принадлежат воспоминания о М.И. Ростовцеве (Дядя Миша: Памяти М.И. Ростовцева. *Русская мысль* (Париж). 1953. 20 мая. С. 4) с рассказом о визитах в петроградскую квартиру академика и встречах с М.И. Ростовцевым в эмиграции.

ЦИЦЕРОН, СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА И LEGES DE CIVITATE 91–90/89 ГГ. ДО Н.Э.

В рамках данного доклада рассматриваются сведения античных авторов о предоставлении латинам и италикам прав римского гражданства как причине и итоге Союзнической войны. Особое внимание автор уделяет сведениям Цицерона (Balb. 21, 50; Brut. 304; Cluent. 197; Fam. XVI. 22. 1; Phil. III. 32; XII. 27), а также рассказам Валерия Максима, псевдо-Аврелия Виктора и Плутарха о диалоге между Катонем Младшим и Кв. Поппедием Силоном (Val. Max. III. 1. 2; Vir. Ill. LXXX. 1; Plut. Cat. Min. 1–2).

В ходе проведенного анализа демонстрируется, что отношение римских сенаторов к предоставлению латинам и италикам римского гражданства неоднократно менялось как в ходе самой войны, так и под влиянием законопроектов М. Ливия Друза (rogatio Livia de sociis [et nomine Latino?] civitate danda 91 г. до н.э.), Кв. Вария Гибриды (91/90 г. до н.э.), Кальпурния (90 г. до н.э.) и Юлия (90/89 г. до н.э.) Автор также оспаривает некоторые гипотезы, выдвинутые Х. Моуритсеном. Согласно одной из них, анекдот о диалоге между Поппедием и четырехлетним Катонем в доме М. Ливия Друза сыграл значительную роль в формировании новой «примирительной» версии Союзнической войны, сфокусированной на стремлении италиков к римскому гражданству. Согласно другой гипотезе, версия данного диалога, представленная у Валерия Максима (Val. Max. III. 1. 2), восходит к недошедшему до нас сочинению Луция Лукцея. Автор доклада, в свою очередь, приходит к следующему выводу: «позиция Катона» относительно стремления италиков к римскому гражданству восходит непосредственно к Цицерону и отражает его представления о целях италиков в период Союзнической войны.

**АНАХОРЕСИС В РИМСКОМ ЕГИПТЕ:
НОВЫЙ ПАПИРУСНЫЙ ДОКУМЕНТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Г.Ф. ЦЕРТЕЛИ В ТБИЛИСИ**

В докладе будет впервые представлен неопубликованный папирус из Национального центра рукописей Грузии в Тбилиси. Папирус сохранился полностью, датируется 140 г. и является заявлением об анахоресисе (уходе) несовершеннолетнего жителя деревни Каранис в Фаюме, с последующим внесением его в соответствующие списки для освобождения от подушного налога (лаографии). Это первый подобный документ среди обширного корпуса греческих папирусов из Египта: известны аналогичные заявления о смерти и рождении, но не об анахоресисе. Новый источник будет подробно рассмотрен в контексте анахоресиса как социально-экономического явления в римском Египте.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О САМНИТСКИХ ВОЙНАХ:
К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОЧНИКАХ

Проблема первоисточников относительно римских событий в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского длительное время обсуждалась в историографии. В ходе продолжительных поисков исследователи предложили множество гипотез, перечислив всех потенциальных античных авторов, которых Диодор мог использовать для римских заметок. Но к середине XX в. «теория единого источника» (Einquellentheorie) окончательно показала свою несостоятельность, тем не менее, несмотря на декларируемый отказ от неё, в историографии продолжает сохраняться старый подход, основанный на экстраполяции выводов из отдельных частей повествования на всю работу в целом. Однако компилятивный характер труда Диодора изначально предполагает многообразие источников и постоянную смену авторов, в связи с чем все выводы по конкретным эпизодам должны ограничиваться только изучаемыми отрывками. На основе предложенного подхода необходимо вновь обратиться к старой проблеме, но уже в новом ракурсе, сосредоточившись на отдельных событиях Самнитских войн, которые в данном вопросе изучены слабее всего. Посредством внутреннего и сравнительного анализа 14 повествовательных блоков в книгах XIX–XX и частично XVI и XXI сделан вывод, что Диодор в описании Самнитских войн не придерживался одного основного источника, вместо этого он попеременно использовал ранних и поздних анналистов, а также в некоторых местах греческих авторов.

ΕΥΠΟΣΙΑ и ΔΙΑΜΟΝΗ в ольвийской эпиграфике

Порой доводится сталкиваться с мнением о том, что первая из вынесенных в заглавие лексем загадочна, а вторая параллельна латинскому выражению *pro aeternitate*. Однако, многочисленные примеры лапидарных текстов показывают, что *εὐλοσία* означает обеспеченность водными ресурсами (как и *εὐλοσίαρχης* изначально обозначал магистрата, ответственного за снабжение полиса водой).

Что до *διαμονή*, то она встречается в надписях (за редчайшими региональными исключениями, происходящими, главным образом, из Сирии и Северной Африки) в составе устойчивой формулы *αἰώνιος/αἰδῖος διαμονή*. Тем самым, *διαμονή* есть не синоним лат. *aeternitas* (за идею вечности отвечают прилагательные *αἰώνιος/αἰδῖος*), но термин, охватывающий следующие значения: 1) власть, господство, контроль; 2) продолжительность, несменяемость; 3) сохранность, стабильность.

Именно позиции 1) и 3) объясняют, почему иногда *διαμονή* (применительно к частному лицу – «долгоденствие») фигурирует в эпиграфическом материале без обычных в иных текстах определений. Таков, как раз, случай Ольвии Понтийской: наличие в семантическом поле *διαμονή* категории «стабильность» заставляет задуматься над историческим моментом создания, например, IOSPE I² 140. Судя по контексту данного документа, его возникновение было вызвано не только, а, может быть, и – не столько, проблемами водоснабжения, о котором идёт речь и ещё в целом ряде ольвийских памятников.

**КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЛАЦИИ VIII – III вв. до н.э.
ПО ДАННЫМ ТИТА ЛИВИЯ**

Уже VIII в. до н.э. Лаций представлял собой место взаимодействия нескольких италийских племен: латины, сабины, этруски. Позже в этом регионе прослеживается влияние таких италийских племен как фалиски, эквы, оски и некоторых других. С VI в. до н.э. можно проследить уже греческое влияние, на первых порах в материальной культуре: скульптура, керамика, вазопись. Все это сплеталось в конечном итоге в римскую культуру. В этом плане интересно проследить не только материальную составляющую, но и заимствование идей, обрядов, ритуалов и отражение данного процесса в источниках. Особенно выделяется труд Тита Ливия, один из основных наших источников о Древнем Риме и Лации. Ливий обращал больше внимание на заимствования в политической сфере, например, обряд объявления войны, идея союза общин вокруг храма Дианы, в тоже время он писал у кого была заимствована та или иная идея. Также по сочинению Ливия можно проследить культурные связи с разными регионами Италии.

«ЭФФЕКТ МАТФЕЯ» В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ?

Современные изложения истории античной литературы (какой бы отдельный жанр мы ни взяли) обычно фокусируются на немногочисленных «звёздах» (например, для исторической литературы это, прежде всего, Геродот, Фукидид и Ксенофонт). Чтобы точнее оценить значение этих «звёзд» и яснее представить себе общую картину, необходимо определить в каком соотношении находились «звёзды» к общей совокупности известных авторов (как по содержанию своих работ, так и по их влиятельности). Если рассматривать географическую литературу, то на одном конце шкалы окажутся всего 3-5 так называемых «больших географов» (Страбон, Птолемей, Стефан Византийский, а также с оговорками Павсаний и Плиний) и ещё около 20 тоже несомненно значимых авторов, упоминания которых почти невозможно избежать, а на другом конце – от 200 до 250 авторов, которых, так или иначе, относят к числу античных географов или географических источников. Ранжировать античных географов по значимости между этим полюсами и выделить среди них «несомненно значимых» позволяет то, что такие попытки предпринимали уже сами античные географы. Сравнение составленных ими списков достойных упоминания предшественников даёт двоякий результат. С одной стороны, списки (например, которые дают Эратосфен, Агафархид, Псевдо-Скимн, Авиен, Маркиан) демонстрируют больше различий, чем сходств, а те источники, которые считаются наиболее надёжными (например, Эратосфен и Страбон), имеют серьёзные пробелы и охватывают менее 50% имён, которые они могли бы упомянуть. С другой стороны, наблюдается устойчивая цепочка преемственности, связывающая те самые наиболее надёжные источники и авторов имеющих репутацию наиболее значимых. Иными словами, «звёзды» склонны выбирать своими предшественниками других «звёзд», и, наоборот, авторы, опирающиеся на «звёзд», сами с большей вероятностью приобретают «звёздный статус». Точно так же авторы, которых мы полагаем «второстепенными» – это те, о ком упоминают только второстепенные источники. Этот эффект несправедливо неравного распределения внимания источников между предшествующими авторами важно учитывать при составлении общей картины развития литературной традиции.